За все надо платить

Автор:
Николай Леонов

За все надо платить

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

Полковник ГуровРусский бестселлер

На предпринимателя Игоря Болотина совершено покушение. Чудом выживший бизнесмен оказался в больнице, а его жена обратилась к старому другу их семьи полковнику Гурову с просьбой помочь найти преступника. Сыщик согласился, для него это дело привычное. Вскоре замешанные в деле высокие чиновники начали грозить Льву неприятностями, но полковник по привычке проигнорировал эти жалкие угрозы. А вот когда в деле появился криминальный авторитет, умеющий при помощи секретного прибора зомбировать людей, расследование мгновенно превратилось в жуткий трэш, полный риска и опасностей.

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

За все надо платить

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Суббота

Полковник-«важняк» Лев Иванович Гуров сидел в зале, в задвинутом в угол кресле, и, посмеиваясь, наблюдал за бушевавшим в квартире стихийным бедствием. Нет, никаких природных катаклизмов не случилось, пожара тоже не было, да и соседи сверху не залили. Просто его жена, народная артистка России Мария Строева, так собиралась на закрытый предпремьерный показ фильма, в котором сыграла, конечно же, главную роль. Когда вихрь, имевший смутные очертания жены, пролетал мимо, Гуров успевал задать короткий вопрос, а вот ответ он получал уже или из ванной, или из спальни.

– И о чем фильм?

– О непростой женской судьбе, – раздалось из спальни. – Или ты думаешь, что я играла мужчину? Нет, я, конечно, и это смогу, но ведь не предлагают же.

– А почему меня с собой не зовешь?

А вот это он спросил зря! Промчавшийся было мимо вихрь вдруг непостижимым образом вернулся назад, и перед Львом материализовалась Мария.

– Ты считаешь, мне мало было того позора? – вкрадчиво спросила она. – Один раз ты заснул на церемонии вручения ТЭФИ, несмотря на то что я была на нее номинирована, но тогда это хоть немногие заметили – не тем заняты были. А второй раз ты заснул прямо на плече у Лаврентьева! Я до сих пор помню, как он меня шепотом позвал и, показав на тебя глазами, язвительно поинтересовался: «Мария! ЭТО ваше?» У меня за спиной люди год с хохоту покатывались! Нет уж! Хватит с меня! Хочешь спать? Делай это дома, где угодно, когда угодно и как угодно!

Вихрь умчался в сторону ванной, а Гуров вздохнул – что было, то было! В том числе и грандиозный скандал, который жена тогда закатила ему дома. До битья посуды дело не дошло, но близка она была к этому как никогда.

Но вот сборы завершились, и Мария предстала перед мужем во всей красе: черное, открывавшее плечи и спину платье до пола, высоченные шпильки и, конечно же, бриллианты – подарок сибиряков. Одним словом, королева! Не знай Гуров, сколько ей лет, точно бы принял за молодую девушку. Конечно, вблизи были заметны и морщинки возле глаз, и шея уже не та, что раньше, да и кожа не такая упругая. Но кто будет во все это всматриваться, когда есть огромные, завораживающие глаза, гордо поднятая голова и осанка царственной особы?

– Хороша! Слов нет, как хороша! – с искренним восхищением сказал Лев и тут же перешел к делу: – Надеюсь, ты вызвала такси, а не на джипе поедешь, ведь на банкете хоть немного, но выпить обязательно придется.

– Как раз на джипе, потому что на банкет не останусь, – успокоила его Мария. – Не удержусь ведь и налопаюсь от пуза, а я и так уже килограмма полтора лишних набрала. Мне их теперь сгонять и сгонять! Лучше вечером с тобой вдвоем отметим, а то с нашей работой нам и поговорить-то некогда.

Набросив норковую, отороченную по краю капюшона и рукавов соболем шубку в пол (тоже подарок сибиряков), Мария послала мужу воздушный поцелуй и была такова. Гуров посмотрел в окно, как она садится в машину, и отправился готовить себе ужин. Ревновать жену ему и в голову никогда не приходило, даже когда они были намного моложе – она повода не давала, умея одним взглядом поставить мужчину на место. К тому же все знали, чья она жена.

Но и Мария после некоторых весьма неприятных событий тоже накрепко усвоила, чья она жена! Потому и Гурова на премьеру с собой не пригласила, и на банкет решила не оставаться.

В бывшем кинотеатре «Россия», а ныне «Каро Фильм Пушкинский» – и кому старое название поперек горла встало? – закончился сеанс. Женщины выходили из зала с заплаканными глазами, да и сама Мария, хоть от слез и удержалась, но комок в горле чувствовала не раз – она же не видела фильм смонтированным и сейчас смотрела впервые. Конечно же, и к ней, и к другим членам съемочной группы тут же бросились журналисты. Одни без устали снимали, а другие ждали, когда мэтры российского кино выскажут свое высокое мнение, и ловили каждое их слово. А мнение было весьма и весьма благожелательным, говорили, что фильм на «Нику» тянет. Но вот мэтры отошли, и журналисты набросились на съемочную группу. Вопросы были стандартными, как, впрочем, и ответы на них.

Решив, что акулы пера достаточно порезвились, хорошо одетые молодые мужчины без грубости, но очень твердо выпроводили всех за дверь, которую для надежности даже заперли. И тут из толпы к Марии бросилась высокая, грузная, увешанная бриллиантами женщина в очень дорогом платье и порывисто обняла ее:

– Машка! Как же ты сыграла! Меня аж до печенок пробрало! Я и забыла, когда последний раз плакала!

– Это тебе спасибо, Тома! – улыбнулась ей Строева. – Если бы не ты, у меня ничего не получилось бы.

– Кузя! – Женщина повернулась к верзиле, стоявшему в отдалении рядом с высоким, опиравшимся на палку мужчиной – видимо, отцом, так как они были очень похожи. – Где цветы?

– В машине! – непонимающе ответил тот.

– Так неси! – гневно воскликнула она, а потом тихо вздохнула: – Ох, балбес!

Стоявшие неподалеку от Марии три «звездюшки», которым посчастливилось сняться в этом фильме в малюсеньких эпизодах, откровенно смеялись, глядя на Марию и Тамару. И тут Тома, повернувшись всем телом, посмотрела на них. Только посмотрела и все! Но девицы мгновенно замерли, прижав к себе сумочки, и в ужасе уставились на нее, боясь даже дышать. Тамара чуть повела бровью, и три нахалки опрометью бросились в толпу, расталкивая всех на своем пути, – куда угодно, лишь бы подальше от этой страшной женщины, которая, оказывается, только выглядела такой смешной и нелепой.

– А вот я так и не смогла научиться смотреть, как ты, хоть и очень старалась, – вздохнула Мария.

– Ничего! У тебя тоже хорошо получилось, – великодушно успокоила ее Тома.

Тут появился запыхавшийся Кузя и, улыбаясь, вручил Марии огромный букет роз.

– Кузя! Да это не букет! Это целая клумба! – рассмеялась она, с трудом удерживая его в руках.

– Я старался! – гордо ответил верзила.

– Наклонись ко мне, – попросила Мария и, когда он выполнил ее просьбу, поцеловала его в щеку. – Спасибо тебе большое! Это роскошный букет!

Довольный парень отошел, а Тамара спросила:

– Слушай, а там и правда в титрах написано, что я консультант фильма?

– Да! – кивнула Мария. – И что соавтор сценария – тоже.

– Надо же, чем прославилась на старости лет! В мир кино благодаря тебе попала! Ладно, на банкете поболтаем, а то люди ждут.

– Я на банкет не останусь – Гуров загрипповал, – соврала Мария. – А больной мужчина хуже ребенка. Так что вы уж без меня.

– Жаль! Ну, ничего! Потом поговорим, – кивнула Тамара и обратилась ко всем: – Ну? Кто еще хочет Марию с премьерой поздравить?

Тут же начали один за другим подходить мужчины в смокингах, восхищаться ее талантом и преподносить букеты, один роскошнее другого. Мария дежурно благодарила, улыбалась, принимала букет, который у нее тут же забирала стоявшая рядом Тамара и передавала Кузе, а тот складывал их чуть ли не штабелем на составленных стульях. Последним к Марии подошел высокий, стройный мужчина лет пятидесяти пяти, перед которым все дружно расступились. Его внешность была самая обычная, да и букет не поражал размерами, но это были невероятной красоты орхидеи, и Мария замерла от восторга, глядя на них.

– Мария! – заговорил он, и его голос вернул ее к действительности. – Меня зовут Андрей Владимирович. Я всегда восхищался вашим талантом, но никогда не думал, что у меня будет возможность сказать вам об этом лично. Но вот благодаря счастливому случаю она у меня появилась. Вы не просто гениальная

актриса! Вы – великая актриса! Если у вас вдруг, не дай бог, возникнут какие-то проблемы, Тамара даст вам мой номер телефона. Обращайтесь ко мне без малейших раздумий, и я обещаю, что проблемы, какими бы неразрешимыми они ни были, исчезнут.

– Спасибо большое, Андрей Владимирович, но вы, видимо, просто не знаете, кто мой муж. А с ним мне никакие проблемы не страшны.

– Вы ошибаетесь, Мария, – улыбнулся мужчина. – Я знаю, кто ваш муж. И поверьте, что есть множество проблем, которые он решить не сможет. А я смогу!

Он поцеловал ей руку, попрощался и ушел в сопровождении все тех же вежливых молодых людей в хороших костюмах.

– Тома, кто это был? – немного растерянно спросила Мария.

– Ты же слышала. Андрей Владимирович, – удивилась Тамара. – Очень влиятельный человек. – И тут же перешла к делу: – Ну, раз ты на банкет не остаешься, давай сделаем так. Кузя тебе сейчас все букеты в джип загрузит и сам следом поедет, чтобы потом помочь тебе их в квартиру поднять – не Гурова же, с его гриппом, на улицу за ними гонять? – усмехнулась она.

Подъехав к дому, Мария посмотрела на окна квартиры и увидела, что они были темными, а это могло значить только одно – ненавидевший телевизор Гуров просто лег спать. Она мгновенно взбесилась: «У меня сегодня такой праздник, а он? Неужели дождаться не мог, чтобы мы вместе порадовались моему триумфу? Ладно! Не буду портить себе вечер, завтра с ним разберусь!»

Подняв с помощью Кузи все букеты в квартиру, Мария отпустила его – пусть хоть он на банкете попирует. Она тихонько заглянула в спальню – так и есть, Лев дрых без зазрения совести. Мария осторожно взяла с кровати подушку, а из шкафа – плед и плотно прикрыла за собой дверь. Скинув платье, надела висевший в ванной халат, сняла с лица макияж и расставила букеты по вазам и ведрам – дело при ее работе совершенно обычное. Достав из бара коньяк, взяла букет орхидей, поставила его в самую красивую вазу и пошла на кухню. Налив себе коньяк, махом выпила и, глядя на орхидеи, мысленно сказала самой себе: «Ну и черт с ним! А у меня все-таки будет праздник!» Ей было обидно до слез – абсолютно чужие люди восхищались ею, причем совершенно искренне,

поздравляли, радовались ее успеху, а самый родной человек не счел нужным элементарно дождаться ее возвращения и узнать, как все прошло. Боже! С кем же она столько лет прожила! Почувствовав, что уже основательно «захорошела», Мария добралась до дивана и уснула вся в слезах.

Воскресенье

Жена полковника-«важняка» Станислава Васильевича Крячко, закадычного друга и коллеги Гурова, освоив компьютер, часами сидела в Интернете, а поскольку была женщиной простой, то интересовали ее, конечно же, великосветские сплетни и скандалы из жизни звезд. Вот и в это утро она, приготовив себе чай, села к компьютеру и стала смотреть, кто с кем развелся, а кто на ком женился. Зная от мужа, что в субботу состоялся закрытый показ нового фильма с участием Марии, она решила посмотреть, что там интересного, и, набрав в поисковике «Мария Строева премьера», тут же нашла запись какой-то съемки и, не выдержав, позвала мужа:

– Стасик! Иди сюда! Посмотри, Машка-то как выглядит! Ну просто королева! Глянь сколько ей цветов надарили! – не унималась она. – Это же каких деньжищ стоит!

Крячко мельком глянул и отвернулся, но тут же насторожился, снова посмотрел на монитор, отодвинув жену, прокрутил запись с самого начала и с криком: «Твою же мать!» – вылетел из комнаты. Ничего не понимающая жена вышла вслед за ним и увидела, что Стас уже натягивает сапоги, накидывает куртку прямо на футболку. Похлопав себя по карманам, проверяя, на месте ли ключи, он бросился к двери. На свой растерянный вопль, куда это он собрался, ответа она не получила и, пожав плечами, пошла смотреть дальше, кто чем прославился. А Станислав в то время, пока прогревался мотор, уже звонил из машины генерал-майору Петру Николаевичу Орлову, их третьему и самому старшему по возрасту и званию другу, а по совместительству начальнику их управления.

– Петр! Бросай все и выезжай к Гурову! Надо думать, что делать! Времени у нас только до завтрашнего утра, а потом за Леву УСБ возьмется!

– Стас! Не пори горячку! Что случилось? – всполошился генерал.

– А что у Левы может случиться? – с нервным смешком ответил Крячко. – У него много лет назад одно большое несчастье случилось! Мария называется! Она опять в такое дерьмо вляпалась, что теперь неизвестно, как Лева отмываться будет!

Чертыхнувшись, Орлов отключил телефон, быстро оделся и пошел к машине.

Дело в том, что «любовь» у Марии с друзьями ее мужа была давняя, взаимная и слишком уж горячая… Петр и Стас были на тысячу процентов уверены, что Мария Льву не пара, и в чем-то были правы, потому что она, без всякого злого умысла, а исключительно по простоте душевной, несколько раз мужа по-крупному подставила. С их подачи Гуров с женой периодически разъезжались, но потом все равно мирились, и их семейная жизнь, со всеми ее кочками, ухабами и ямами, текла дальше. И вот опять грянуло!

Лев проснулся в постели один, причем в спортивных брюках и футболке. Но, судя по тому, что вторая подушка на кровати отсутствовала, жена была дома. Он осторожно выглянул из спальни, увидел спавшую на диване Марию, квартиру, превратившуюся в филиал Ботанического сада, и понял, что скандал будет грандиозный. А ведь он хотел всего-навсего разыграть жену: она сказала, что дома он может спать когда угодно, где угодно и как угодно, вот он и решил притвориться спящим, а когда она вернется, выскочить как черт из табакерки, потому и раздеваться не стал. Он приблизительно прикинул время, когда закончится фильм, и, выключив свет, ждал у окна, когда ее джип въедет во двор. Увидев его, бросился в спальню, забрался под одеяло и притворился спящим. Но, видимо, Мария слишком долго возилась с цветами – вон их сколько! – а он за это время сам не заметил, как уснул.

Лев на цыпочках прошел в кухню, увидел там бокал, почти пустую бутылку коньяка и понял, что влип. У фильма, судя по количеству цветов, был невероятный успех, Мария не осталась на банкет и вернулась домой, чтобы отметить свой праздник с мужем, а он дрых без задних ног. Ну и как теперь оправдываться? Лев стал мысленно репетировать покаянную речь, и тут раздался звонок домофона. Он бегом бросился в коридор, посмотрел на экран и очень удивился – это были Крячко и Орлов. Когда друзья вышли из лифта, Лев приложил палец к губам.

– Маша спит? – севшим от ярости голосом поинтересовался Стас и, властно отодвинув его в сторону, решительно заявил: – Сейчас разбудим!

– Да что случилось?! – по-прежнему шепотом, воскликнул Гуров.

– Сейчас увидишь! – многозначительно произнес Стас. Он включил компьютер Льва, нашел запись, которую видел совсем недавно, и показал на нее рукой: – Полюбуйся, какова картина! А в центре композиции – твоя жена!

Гуров смотрел и не верил своим глазам, рядом с ним негромко выругался Петр – он только со слов Крячко знал, что произошло, но сам еще не видел. Лев растерянно повернулся к друзьям, и Стас понимающе кивнул ему головой:

– У меня тоже не было никаких слов! Даже мата! Весь цвет даже не столичного, а российского криминалитета собрался вокруг твоей жены! Что ни рожа, то вор в законе! А если не вор, то или свояк, или авторитет из первой десятки! Да УСБ ей памятник из чистого золота должно поставить за такой подарок. Оно на тебя много лет зубы точит! Мария тебя столько раз подставляла, что считать замучаешься, а они все никак уцепить не могли! А тут – вот он ты, на подносе! В праздничной упаковке и лентой перевязанный лежишь! Готовый «оборотень в погонах»!

– Что случилось? – раздался вдруг сонный голос Марии.

– Сиди! Молчи! Не лезь! – рявкнул на нее Орлов, а потом обратился уже к Гурову: – Лева! Мухой собирайся в госпиталь! У нас каждая минута на счету! Бери самый минимум, а остальное мы потом доставим. Я тебя сам отвезу и со всеми там договорюсь – у тебя якобы гипертонический криз. Бог даст, раньше понедельника уэсбэшники не чухнутся, а там я приму удар на себя, да и с Рыбоводом поговорю, чтобы последствия минимизировать. Надеюсь, он меня поймет: уж он-то знает, что Машка – дура набитая.

Слушая Орлова, Мария проснулась окончательно, но пока мало что понимала, поэтому злилась. Но когда ее назвали дурой, она взбесилась окончательно. Коньяк был качественный, голова не то что не болела, а была совершенно ясной, так что соображала она отлично и язвительно спросила:

– А мое мнение по поводу ваших умственных способностей выслушать не хотите?

– Заткнись! – заорал на нее Крячко. – Сейчас Петр увезет Леву, и я тебе доступно объясню, что ты натворила!

Гуров ушел в спальню и появился почти тут же с полиэтиленовым пакетом в руке. Мария бросилась было к нему, но он прошел в коридор, даже не посмотрев в ее сторону. Орлов направился следом за ним, хлопнула дверь, и Крячко, уже не сдерживая ярости в голосе, схватил ее за руку и буквально бросил в кресло перед компьютером:

– Тебе все еще интересно? Вот это, – начал он, тыча пальцем в экран, – вор в законе Трофим. Это – Вадик Казанский, тоже «законник». Это – Шкипер, вор в законе из Приморья. Это – Кореец, свояк, то есть кандидат в воры. А вот этот, что с тобой мило беседу ведет и ручки целует, Андрей Владимирович Ольшевский! По кличке Цезарь! Глава всего уголовного мира России! На смену покойному Зубру пришел! Про Тамару Шах-и-Мат я вообще молчу! Ты ведь жена полковника полиции! – заорал он. – Тебе с такими людьми на одном гектаре садиться нельзя, а ты?

– А я – актриса! – крикнула ему в ответ Мария, направляясь в кухню. – Мне что, документы у людей спрашивать, когда они после премьеры цветы дарят? А Тамара, между прочим, консультант фильма и соавтор сценария! Интересно, почему Гуров в мое отсутствие мог с ней вдвоем в одной квартире пять дней прожить, а я даже поговорить не могу?

– Так по работе же он с ней общался! Идиотка!

– А я с ней тоже по работе общалась! – проорала Мария.

– И поэтому она тебе на шею бросилась! – язвительно заявил Стас. – Мне на тебя плевать! Но как Гуров теперь оправдываться будет? Как он докажет, что не знал, чем его законная жена занимается? Особенно после того, как тебе Цезарь ручки целовал! – упиваясь своим обличительным пафосом, вещал Стас. – Может, он тебе в букет в качестве аванса что-нибудь бриллиантовое положил? В расчете на твою будущую благосклонность? А что? Один раз в цветах колье уже было, правда, фальшивое оказалось. Но Цезарь ведь мелочиться не будет! Положение не позволит! А ты у нас дама небрезгливая! Что ни подари, все примешь! И джип! И шубки! И бриллианты! Гурова потом за это мордуют, а тебе плевать!

Выведенная из себя Мария схватила бутылку с остатками коньяка и запустила ею в Крячко. С глазомером у нее все было в порядке, поэтому только благодаря многолетнему опыту побывавшего в самых разнообразных переделках сыщика тот успел пригнуться. Бутылка ударилась о стену как раз в том месте, где только что была его голова, и разбилась вдребезги, осыпав его градом осколков.

– Ты чё? Совсем охренела? – ошеломленно пролепетал Станислав.

Мария не стала ему отвечать, а молча взяла со стойки нож и пошла на него. Причем не по-бабьи, а совершенно профессионально – и походка на чуть согнутых в коленях ногах, и тяжелый цепкий взгляд чуть прищуренных глаз, и верхняя губа немного приподнялась, открывая зубы. Крячко пятился от нее и думал в тот момент только о том, чтобы не упасть. Как выбрался из квартиры, он потом вспомнить не мог, а в себя пришел только в машине.

– Да-а-а, кажется, я чуток переусердствовал, – тихо сказал он сам себе. – А ведь прирезать запросто могла! Когда баба в бешенстве, с ней и пара мужиков не справится.

Закрыв за Стасом дверь, Мария вернулась в кухню и обессиленно рухнула на стул. Бросив на стол нож, она закурила, чтобы успокоиться, потому что ее всю трясло, и позвонила Тамаре – может, хоть та ей объяснит, что произошло.

– Тома, кто-то выложил в Интернет запись того, как мне дарили цветы, – дрожащим голосом сказала она.

– Маша, этого быть не может, – уверенно ответила та. – Оттуда всех журналистов специально выпроводили, чтобы остались только свои, ну, то есть съемочная группа и особые гости.

– Я эту запись своими глазами видела, а Крячко мне еще пальцем тыкал и говорил, кто есть кто, – возразила Мария и заплакала. – Тома, я уже ничего не понимаю!

– Так, Марья! Ты поплачь! Тебе сейчас это надо! Я тут быстро все выясню и приеду. Ничего не бойся, я тебя никому обижать не позволю! – решительно заявила Тамара.

Мария поставила варить себе кофе и, глядя на турку, думала о том, какая странная штука жизнь. Гуров расследовал какое-то настолько сверхважное дело, что ее тогда даже спрятал, чтобы не похитили. А уголовники, кстати, ему вовсю помогали! И УСБ его за это почему-то не преследовало. А Тамара вообще к нему перебралась, чтобы помогать по хозяйству, и опять ничего! Никто его ни в чем не упрекнул. Мария, вернувшись домой, заподозрила неладное, но Гуров, Крячко и Орлов ей ничего толком не объяснили, и тогда она обратилась к Степану Савельеву – уж он-то точно должен был все знать. И тот ей рассказал про Тамару, а потом и познакомил с ней. Вот тогда-то, послушав ее и ее мужа Ивана Кузьмича, у Марии и родилась идея фильма, в котором она, естественно, будет играть главную роль. Она поговорила с Тамарой, объяснила ей, что хочет, та посоветовалась с кем-то еще, а потом все очень быстро закрутилось – когда есть деньги, все делается очень быстро. Мигом нашлись и хваткий продюсер, и талантливый режиссер, и опытный сценарист, и самый звездный состав. Но Тамара, прочитав сценарий, раскритиковала его в пух и прах и начала править, а потом во время съемок еще и консультировать. Вот так и родился фильм «Где ты, жизнь?». И теперь Мария ни секунды не сомневалась, что получит «Нику» за главную женскую роль. Но гораздо больше ее радовало то, что в ее жизни появилась не то чтобы подруга, а скорее советчица по всем житейским вопросам. И пусть у Тамары за плечами были четыре судимости за разбой и жизнь она прожила не самую праведную, но сейчас она была хорошей женой, не самой злой мачехой растяпе Кузе и обожавшей внучку бабушкой. А старые связи? Так куда от них деваться? Да и можно ли прожить в неспокойной России, не имея знакомств в определенных кругах?

Тамара действительно приехала очень быстро и, зная все наизусть в квартире Гурова, сразу прошла к компьютеру:

– Ну, показывай, что там?

А там ничего уже не было! Мария поискала ту запись, но не нашла и, повернувшись к Томе, растерянно проговорила:

– Но она же была! Я ее своими глазами видела!

– Была да сплыла! И никто никогда никаких следов не найдет! А вот того, кто там снимал, найдут! Можешь в этом не сомневаться! И я ему очень сильно не завидую! Так что успокойся, и пошли чай пить! Расскажешь мне, что у тебя

произошло.

Они переместились в кухню, где Мария, занимаясь чаем, начала рассказывать о том, как, вернувшись домой, застала мужа крепко спящим, о произошедшем утром скандале с Орловым и Крячко, а потом, разоткровенничавшись, выложила все до донышка: как ее ненавидят друзья Гурова, как они всячески и не раз пытались их развести, как они постоянно ко всему цепляются, к тем же подаркам, например, и настраивают мужа против нее, а ей из-за ее дурацкой ревности и так несладко. Тамара ее внимательно слушала и, когда Мария замолчала, спросила:

– Ну и чего ты сейчас хочешь? Броситься Гурову в ноги, вымолить прощение и жить в этом аду дальше? А может, попробуешь начать жить своей собственной жизнью? Так, как ты сама хочешь?

– Я его люблю, Тома, – грустно ответила Мария.

– Ты его не любишь! И ревность твоя тут ни при чем – ты просто боишься одна остаться, вот и цепляешься за него! Ты себе цену, как актрисе, знаешь, а как женщине – нет! Да ты себе еще такого короля найдешь, который к твоим ногам весь мир положит!

– Из ваших, что ли? – криво усмехнулась Маша.

– Нет! – покачала головой Тамара. – Нормального, настоящего мужика! Который сможет тебя по достоинству оценить и дорожить тобой будет даже не как красивой бабой, а как личностью и великой актрисой! И работу твою уважать будет! А Гуров – дурак! Ему в руки жар-птица сама села, а он начал ее под курицу общипывать, потому что ему с курицей удобнее, а с жар-птицей он не знает, как себя вести! Так что бросай его не раздумывая, пока он тебя окончательно не сломал! Прямо сейчас! Сегодня! А завтра на развод подавай! И подарки эти гребаные тут оставь, в том числе и его – пусть подавится! У тебя за этот фильм такой гонорар, что ты себе все сама купить сможешь. У тебя, я знаю, своя квартира есть, вот туда и перебирайся! Пошли собираться! – сказала она, вставая. – Я тебе помогу.

– Страшно, Тома, вот так, сразу, – вздохнула Мария.

– Неизвестность всегда пугает, только учти, что в этом доме тебя ничего хорошего не ждет, а вот хуже со временем обязательно будет. Скажи мне, ты здесь была счастлива? Только честно, и с ответом не торопись.

Мария сидела минут пять, перебирая в уме всю свою жизнь с Гуровым, а потом подняла на Тому глаза и тихо сказала:

– Давай собирать вещи.

В четыре руки они быстро управились. Конечно, Марии было до слез жалко оставлять шубы, украшения, особенно с бриллиантами, и свою самую любимую «игрушку» – джип, но она пересилила себя. Когда сумки были собраны, в доме Гурова не осталось ни одной ее вещи, кроме оставленных подарков. Водитель Тамары перетаскал сумки и все цветы в машину, и, когда Мария заперла за собой дверь, Тома, протянув руку, потребовала:

– Ключи мне, а то вдруг струсишь и обратно на эту каторгу вернешься. Не беспокойся, я их сама Гурову отдам. С комментариями! – зловеще пообещала она.

В квартире Марии они все разобрали, разложили по местам, а водитель Тамары тем временем съездил в магазин и привез два пакета с продуктами, среди которых была и бутылка хорошей дорогой водки. Тома открыла ее, налила в две рюмки и сказала:

– Давай за начало твоей новой жизни! – Когда выпили, она стала прощаться: – Хозяйничай, наводи уют, а я домой поеду – своих дел полно. И чтобы завтра же подала заявление на развод! Я проверю! И вообще, если что случится, тут же приезжай ко мне! Или позвони, я сама приеду! Мы с тобой еще не один фильм снимем! Мне понравилось!

Проводив ее, Мария вернулась в кухню, села, огляделась и вздохнула – праздник закончился невесело. Вдруг она подумала: «А может, все еще только начинается?» – и ей стало немного легче.

Понедельник

Утро для Гурова в госпитале, а Орлова с Крячко на службе началось нервно – они ждали больших неприятностей. Но время шло, а ничего не происходило. Наконец, не выдержав, Станислав, у которого где только не было приятелей, позвонил своему знакомому в УСБ и как бы между прочим поинтересовался здоровьем, настроением и делами служебными. Тот тоже был не лыком шит, поэтому, сразу все поняв, рассмеялся:

– Расслабься, ничего твоему Гурову не грозит. Запись та из Интернета исчезла. Кто разместил – неизвестно, кто убрал – тоже. Наши специалисты попытались хоть какой-то след найти, но не смогли. А нет тела – нет дела!

Положив трубку, Крячко передал эти слова Орлову, и они понимающе переглянулись.

– Да-а-а! Не зря у него кличка Цезарь, – протянул Петр. – Зубр был жесток, но примитивен и поэтому предсказуем, а от этого франта не знаешь, чего и ждать. Я запросил на него справку – так на нем нет ни одного «жмура». У него только экономические преступления, но всегда в особо крупных размерах. Очень-очень крупных размерах, по мелочам он не работал. Его несколько раз брали, а он всегда выскальзывал, так что прижать его смогли только дважды – подельники подвели. Они не вняли его увещеваниям быть поскромнее, сорили деньгами, а дальше наши сработали по схеме.

– Если он всего два раза сидел, да к тому же по таким статьям, как же его короновали? – удивился Стас.

– А его денег так и не смогли найти, так что он себе, наверное, и корону купил, а потом и эту должность. Он столько нахапал, что у меня фантазии не хватит, чтобы представить, сколько нулей в его состоянии.

– Черт с ним! По крайней мере, утешает то, что этот без нужды кровь лить не будет. А теперь надо Леву из госпиталя забрать – нечего ему там бока отлеживать, – сказал Крячко. – Сейчас я за ним смотаюсь.

Предупредив Льва, что его отдых закончился, потому что все обошлось, и тот должен быстро собраться, Стас поехал за ним. Он привез Гурова к его дому, но, увидев во дворе джип Марии, наотрез отказался подняться – он не забыл и еще

очень не скоро забудет свою последнюю встречу с Марией.

– Ты, Лева, сам с женой разбирайся, – решительно заявил Крячко и был таков.

Гуров вдохнул – ему категорически не хотелось оставаться с Марией один на один, но делать было нечего, и он вошел в подъезд. Поднимаясь в лифте, Лев думал, что сейчас опять начнутся слезы, оправдания, клятвы в любви и верности и все прочие штучки, которые применяют женщины в таких ситуациях. Все это в их семейной жизни было, и не раз, поэтому дверь он отпирал с чувством каторжника, обреченного таскать свои кандалы.

Но квартира встретила его тишиной. Жена, которой положено было вылететь в коридор и со слезами броситься ему на шею, почему-то не появилась, и тогда Лев негромко позвал ее, но ему никто не ответил. «А если она с собой что-то сделала? – с ужасом подумал он. – Петр и Стас так на нее орали, что вполне могли довести до нервного срыва. Ну конечно! Оглушительный успех фильма, она не пошла на банкет, чтобы провести вечер со мной, а я, вместо того чтобы встретить ее, спал самым бессовестным образом. Она крепко выпила с горя, а утром на нее мы все навалились».

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Гурова, и он, внутренне готовый к самому страшному, пошел искать жену. В спальне ее не было, в кухне и ванной тоже. Лев прошел в зал и увидел на столе ее шкатулку для драгоценностей. Подойдя к нему, обнаружил лежавшие рядом доверенность на джип на свое имя, оба комплекта ключей от него, обручальное кольцо жены, а в шкатулке все украшения, что он ей дарил, и подарок сибиряков – кольцо и серьги с бриллиантами. Гуров бросился в прихожую, открыл шкаф и увидел, что обе ее шубы, тоже подаренные сибиряками, на месте – Мария не взяла с собой ничего! А так уходят только навсегда! Обрубив все концы!

– Господи! Да что ж Стас мог ей такого наговорить, чтобы она вот так от меня ушла? – простонал он, рухнув в кресло.

Лев пока не понимал, как он относится к уходу жену. Не было ни облегчения оттого, что она сама приняла такое решение, ни боли от расставания с ней. Все произошло настолько неожиданно, что требовалось время, чтобы это осмыслить. Но это он сделает потом, основательно, не торопясь, а сейчас нужно было ехать на работу. Он решил пока ничего не говорить друзьям, потому что ему сначала

хотелось разобраться в себе самом.

В понедельник Мария проснулась поздно – до ночи убиралась и уют в доме наводила. Оглядевшись, она увидела, что ночевала в своей квартире, и сразу все вспомнила. В первый момент ей стало страшно – вот так взять и все бросить, – а потом она разозлилась.

– Хватит! – громко сказала она вслух. – Всякое терпение когда-нибудь кончается! Я никому не позволю превратить себя в курицу!

Мария с удовольствием выпила кофе, чтобы взбодриться, привела себя в порядок и, созвонившись с одним из лучших адвокатов Москвы Михаилом Яковлевичем Любимовым – не самой же ей разводом заниматься! – поехала к нему. Несмотря на январь, мороз на улице был умеренный, так что она надела брюки и норковый полушубок с капюшоном – он все-таки выглядел поприличнее, чем ее старая норковая шуба. Конечно, без машины ей было очень неудобно и непривычно, но она утешала себя тем, что купить все новое для нее теперь не проблема, а пока и такси сойдет.

Любимов ее внимательно выслушал, а потом сочувственно произнес:

– Машенька! Вы можете бросить в меня Уголовным кодексом с комментариями – он как раз возле вас лежит и очень тяжелый, но я все равно спрошу: как вы вообще смогли прожить столько лет с господином Гуровым?

– Испытывала на прочность свое терпение, но вчера оно лопнуло, – с улыбкой ответила она.

– Как я вас понимаю, – покивал головой адвокат. – Итак, вы никаких имущественных претензий к господину Гурову не имеете, будем надеяться, что он к вам тоже. Вам нужен быстрый развод через суд, без скандала и привлечения внимания журналистов. Сами вы в суде появляться не хотите и доверяете мне представлять ваши интересы. Все правильно? – Мария кивнула. – Значит, составляем договор на оказание юридических услуг и доверенность на мое имя на ведение вашего бракоразводного процесса. Пока мой помощник этим занимается, может быть, вы выпьете чай или кофе? Рекомендую кофе – мой секретарь его изумительно варит!

Мария сидела в мягком кресле и болтала с Любимовым в ожидании кофе и документов, когда вдруг зазвонил ее сотовый – номер был незнакомый, но она решила ответить. И вдруг оказалось, что это звонит Ольга Болотина.

– Тема! На Игоря было покушение, – быстро, срывающимся голосом проговорила она. – Петька с Гошкой погибли, водитель с охранником – тоже. Я сейчас в Склифе, Игорю сделали операцию, он в реанимации. Приезжай, пожалуйста! Мне очень нужна твоя помощь!

Марию из кресла, как пружиной, выбросило, и она метнулась к своему полушубку.

– Что-то случилось? – тоже вскочив, спросил адвокат.

– На Болотина было совершено покушение, он в Склифе, мне срочно нужно к его жене – она моя подруга, – стуча зубами, объяснила Мария. – Все в силе, я потом документы подпишу, вы их только подготовьте, а сейчас мне не до них.

– Сядьте! – неожиданно рявкнул Любимов, и Мария, застыв, озадаченно уставилась на него. – Присядьте! – уже мягче повторил он, и она села.

Адвокат достал из ящика стола сигареты с зажигалкой и поставил перед ней пепельницу. Дождавшись, пока она закурит и немного успокоится, он показал ей на стоявший в углу и работавший с выключенным звуком телевизор.

– Я включаю его, как только прихожу в кабинет. Когда я один, он тихонько бубнит, когда у меня клиент, я выключаю звук, но все равно периодически посматриваю на экран. Так вот, ни в экстренном выпуске новостей, ни в обычном ни слова не сказали про покушение на Болотина. Вам не кажется это странным? А теперь повторите мне слово в слово, что вам сказала подруга. Как ее, кстати, зовут?

– Ольга Леонидовна, – ответила Мария и, повторив слово в слово телефонный разговор, задумчиво добавила: – Вы знаете, она звонила с чужого телефона и говорила очень быстро. Но это точно она – уж ее-то голос я ни с каким другим не перепутаю. Да и Темой – это сокращенно от «тетя Маша» – меня зовут только она и ее дочки.

– Итак, судя по тому, что погибли сын и внук Болотина, а также водитель и охранник, а он сам, видимо, тяжело ранен, машину взорвали. Операция шла не один час, сейчас он в реанимации, а по телевизору ничего не сказали, следовательно, хотят сохранить это покушение в тайне. Почему? Или зачем? Значит, с этим покушением что-то не так. Ольга Леонидовна позвонила вам только сейчас, причем с чужого телефона, то есть тогда, когда сумела его как-то получить. О чем это говорит? – спросил Любимов и сам же ответил: – О том, что она не контролирует ситуацию, а, наоборот, контролируют ее. И бросаться вам сейчас на эту амбразуру в одиночку по меньшей мере безрассудно!

– Но что-то же надо делать! – воскликнула Мария.

– Конечно! Мы и сделаем! Но по-умному! Так, чтобы ни в коем случае не подставить Ольгу Леонидовну. Итак, запоминайте! Вы были у меня по имущественному вопросу: умерла ваша дальняя родственница, и вы хотели знать, стоит ли связываться с вступлением в наследство – вы же сами хотели не привлекать внимание к вашему разводу. А это дело совершенно заурядное и ни у кого никакого интереса не вызовет. Во время нашего разговора вам позвонила ваша знакомая, которая пришла в Склиф кого-то навестить. Кто такая, придумайте сами. Она знает о вашей дружбе с Болотиной, но сама с ней не знакома. Увидев ее возле отделения реанимации, она поинтересовалась у кого-то из медперсонала, что случилось. Ей ответили, что там после операции находится Болотин. Вы, естественно, решили поехать к своей подруге Ольге, а, поскольку ваш джип сломался, я предложил вас подвезти, чтобы заодно познакомиться с Ольгой Леонидовной и поинтересоваться, не могу ли я быть ей чем-то полезен. А журналистов я сейчас туда подтяну. Якобы в одну из редакций был звонок, что Болотин находится в Склифе в тяжелом состоянии после совершенного на него покушения. А источники своей информации журналисты имеют право не раскрывать.

– Но если Ольгу так плотно контролируют, то нас к ней могут не пропустить! – всполошилась Мария.

– Не забивайте себе голову ерундой, Машенька! – улыбнулся ей Любимов. – Мне там есть к кому обратиться.

За этим разговором Мария сама не заметила, как и кофе выпила, и документы подписала. Потом Любимов сделал несколько звонков, и они поехали. Она все

время просила адвоката ехать быстрее, и он в конце концов не выдержал:

– Мария! Я понимаю, что вам срочно нужно в Склиф! Но давайте доедем туда своим ходом, а не на «Скорой» в качестве жертв ДТП!

Чем ближе они подъезжали к больнице, тем больше Марию трясло – ей представлялись самые ужасные картины, и, чтобы отвлечься, она начала рассказывать:

– Понимаете, Гуров и Болотин когда-то были друзьями, но потом из-за чего-то разругались и с тех пор не виделись. Ну а я продолжала потихоньку ездить к Болотиным, потому что и Ольга за это время стала моей близкой подругой, и их дочек-погодок Марину и Ирину я полюбила как родных – своих-то детей у меня нет. Петра, сына Болотина от первого брака, и уже его сына Игоря – их обоих в честь дедов назвали – я не очень хорошо знаю, но они очень симпатичные люди. – Тут она зажмурилась, а потом тихо добавила: – Были.

– Что делать, Мария? – так же тихо ответил адвокат. – Жизнь в России – не клубника со сливками, и с каждым годом становится все страшнее. Родственники постоянно зовут меня окончательно переехать в Израиль, но ведь и там бывает временами неспокойно. Да и где сейчас еще остались безопасные места? Лучше уж оставаться здесь – по крайней мере, знаешь, чего ждать и чего бояться, потому что на новом месте будут новые, совершенно неожиданные опасности.

Когда они подъехали к Склифу, Любимов, увидев журналистов с микрофонами и камерами, одобрительно заметил:

– Оперативно сработали, молодцы! Мария, изобразите крайнее удивление – вы же никак не ожидали подобной встречи. Сейчас мы войдем внутрь, мне нужно будет зайти в один кабинет, а вы подождите меня в коридоре. Потом нас отведут к Ольге Леонидовне.

– А журналисты? – поинтересовалась она.

– За этих не волнуйтесь, – хмыкнул адвокат. – Они сами куда угодно пролезут.

Любимов и Мария вышли из машины, и журналисты тут же бросились к ним.

– Дамы и господа! Никаких интервью! После премьеры фильма будет пресс-конференция, и я отвечу на все ваши вопросы, – заявила Мария.

– Госпожа Строева! Вы приехали сюда потому, что здесь находится ваша подруга госпожа Болотина? По имеющимся у нас сведениям, на ее мужа было совершено покушение. Вы приехали, чтобы поддержать ее? – спросил какой-то парень, чуть ли не тыча ей в лицо микрофоном, потому что сзади на него напирали.

– Без комментариев! – изобразив обиду, отрезала Мария и стала продираться сквозь толпу, не произнеся больше ни слова.

И действительно! Как же не обидеться, если ее, такую известную, не о новом фильме спросили, а совсем о другом. Журналисты мгновенно переключились на адвоката.

– Господин Любимов! Вы приехали, чтобы проконсультировать госпожу Болотину по наследственным вопросам? Как нам известно, сын Болотина и его внук погибли, значит, единственными наследниками остались вдова сына, его жена и две их дочери?

– Молодые люди! – укоризненно произнес тот. – Никогда не торопитесь хоронить тех, кто старше вас. Как знать, может быть, они еще простудятся на ваших собственных похоронах, – и тоже, не сказав больше ни слова, пробрался сквозь толпу. Войдя в холл больницы, увидев Марию, он подошел к ней, пожимая плечами: – Какая беспардонность! Ну, пойдемте!

Любимов повел Марию по коридору, остановился возле одной из дверей, показал ей на стул, а сам прошел в кабинет. Конечно же, она прислушивалась к тому, о чем там говорили. Всего разобрать не смогла, но суть уловила: какой-то мужской голос произнес, что главврач запретил сообщать кому бы то ни было о том, что в больнице находится Болотин, а вот почему, он не знал. Адвокат просил провести его и Марию к Болотиной, а его собеседник отказывался. Препирались они минут десять, и Любимов победил. Он выглянул в коридор и поманил Марию, которая, войдя, увидела за столом пожилого, грузного и раскрасневшегося от спора мужчину.

– Здравствуйте, госпожа Строева, – сказал он. – При иных обстоятельствах я был бы рад нашему знакомству, но сейчас оно мне ничего, кроме неприятностей, не сулит. Оставьте здесь вашу верхнюю одежду, халаты в шкафу, а бахилы – на полке.

Мария и адвокат быстро переоделись и вместе с мужчиной вышли в коридор, где услышали шум в приемном отделении – журналисты изо всех сил рвались донести до народа новую сенсацию, и сопротивление персонала должно было быть сломлено буквально через несколько минут. Они втроем поднялись на лифте и оказались в длинном коридоре, где царила обычная больничная жизнь, только вот в самом его конце Мария увидела сидевшую на стуле маленькую, сжавшую от горя фигурку своей подруги. Она обхватила себя за плечи, словно ей было холодно, а по бокам от нее стояли два охранника. У Марии от жалости горло перехватило, и дышать стало нечем, но надо было не только держаться, но и роль свою сыграть, чтобы не подвести подругу.

– Оля! Оленька! – воскликнула она, подбегая к ней. – Значит, это правда! Когда мне Лариска сказала, что тебя здесь видела, я ей не поверила! Хотела позвонить, но сотовый разрядился. И тогда я решила приехать!

Охранники попытались остановить ее, но она полоснула по ним такими выражениями из лексикона Тамары, что они на миг опешили от неожиданности. И этого самого мига ей хватило, чтобы отвести Ольгу в сторону, а потом обнять ее и прижать к себе. Ольга разрыдалась, а Мария гладила ее по голове и плечам, шепча что-то успокаивающе-бессвязное и совершенно бесполезное – ну, чем можно утешить человека в таком горе? – и ждала, когда Ольга прорыдается. Вдруг она услышала, как один из охранников обратился к приведшему их мужчине:

– Ведь было сказано, чтобы никаких посетителей.

– Это близкая подруга госпожи Болотиной, муж которой к тому же полковник полиции, а это адвокат Ольги Леонидовны, – объяснил мужчина. – Так что они люди совсем не посторонние.

И тут за спиной Марии раздался полный счастья и торжества вопль какого-то парня:

– Вот она! – Имелась в виду, конечно же, Ольга.

Мария обернулась – по коридору, сметая все на своем пути, несся табун прорвавших заслон из охраны и персонала больницы журналистов.

– Чего застыли? – рявкнула она на охранников. – Стоять насмерть! Держать оборону! Не хватало еще, чтобы Ольгу Леонидовну в таком виде сфотографировали!

Охранники грозно двинулись навстречу лавине, к ним присоединился приведший их мужчина, и на какое-то время Мария и Ольга получили возможность поговорить без свидетелей.

– Тема! – быстрым шепотом заговорила Ольга. – Ты все правильно поняла. Я тебе под брюки сзади засунула конверт. Там записка – ты из нее все поймешь. Еще там пластиковая карта – этих денег вам должно хватить надолго. И флешка с очень важной информацией, сбереги ее. Самое главное, придумай что-нибудь, но забери девочек из дома и спрячь их в надежном месте. Я им постоянно говорила, чтобы в случае чего они слушались тебя во всем. Они тебя знают и любят, тебе не будет с ними трудно. Пока они в заложниках, я ничего не могу сделать. А когда у меня будут развязаны руки, я смогу бороться. Дом прослушивается и просматривается весь, вплоть до туалетов, не говори там ничего. Верить можно только двум людям: горничной девочек Оксане и ее жениху Павлу. И скажи Гурову, что я, лично я, прошу его о помощи. Пусть он поругался с Игорем, но я-то перед ним ни в чем не виновата.

– Гуров ненавидит Болотина, он даже его имя запретил в доме произносить. Да и ушла я от мужа, так что на него надежды нет, – покачала головой Мария. – Но ты ни о чем не волнуйся, я все сделаю. Я приехала с адвокатом, это Любимов Михаил Яковлевич. Безумно дорогой, но не признает невозможного. С его помощью ты горы свернешь.

Мария повернулась и увидела, что охранники, не стесняясь в средствах и выражениях, теснят численно превосходящие силы противника, а в арьергарде шествует сотрудник больницы. Любимов же стоял чуть поодаль от них и ждал, пока они поговорят. Мария позвала его и познакомила их.

– Ольга Леонидовна, на правах вашего адвоката?.. – Любимов вопрошающе посмотрел на нее, и она кивнула. – Значит, на правах вашего адвоката позволю себе дать вам совет: скажите несколько слов для прессы – сейчас здесь собрались корреспонденты всех ведущих СМИ. Без истерики и слез, а с достойной сочувствия скорбью и просьбой о понимании. Постарайтесь, я уверен, что у вас получится. В Интернете этот репортаж появится немедленно, в течение дня несколько раз пройдет на всех каналах, завтра будет во всех газетах. Если вы собираетесь двигать горы – извините, я случайно услышал, – то общественное мнение нужно готовить заранее.

– Хорошо, – подумав, согласилась Ольга. – Я постараюсь выглядеть достойно.

В сопровождении Марии и Любимова она пошла вперед и, встав за спинами охранников, попросила их:

– Подождите минутку, пожалуйста. Мой адвокат Михаил Яковлевич Любимов порекомендовал мне сделать короткое заявление для прессы. – Охранники чуть в обморок не хлопнулись от неожиданности, журналисты мигом настропалили камеры и микрофоны, Ольга заговорила: – Дамы и господа! Я понимаю, что поиск сенсации – это ваша работа, и просить вас не выполнять ее – бесполезно. Вы уже знаете, что в нашей семье случилось большое горе: мой муж тяжело ранен, и врачи ничего не гарантируют, несмотря на то что операция прошла успешно. Его сын и внук погибли, как и водитель машины с охранником. Я буду находиться в больнице до тех пор, пока не станет окончательно ясно, что опасность миновала. Если вам потребуется меня сфотографировать, я не буду от вас прятаться, но вот наших дочерей я вас попрошу не беспокоить, им сейчас и так очень тяжело. Проявите деликатность. У меня все.

Она повернулась и пошла обратно, а Мария и Любимов, все это время стоявшие по бокам от нее, двинулись за ней. Ну а уже за ними – перешептывающиеся о чем-то охранники.

– Ты хорошо держалась, – похвалила Ольгу Мария.

– А что мне еще остается? – пожала та плечами. – Я сняла здесь одноместную палату на две недели, но вырвалась из дома в чем была, так что у меня с собой ничего нет. Ты не могла бы привезти мне халат, ночнушку, тапочки и все прочее? Оксана тебе соберет. Да и девочек успокой, скажи, что у папы с мамой

все хорошо.

– И успокою, и привезу, но не обещаю, что быстро – машина сломалась, – заверила ее Мария, понимая, что самой главной просьбой была последняя, насчет дочек, потому что просто привезти ее вещи мог любой из охранников или горничных. – Потерпишь?

– Перебьюсь! – отмахнулась Ольга и повернулась к адвокату: – Михаил Яковлевич, вас не затруднит привезти мне поскорее договор на оказание юридических услуг?

– Безусловно! Желание клиента – закон для адвоката.

Узнав номер ее палаты, Мария с Любимовым ушли, оставив Ольгу несколько приободрившейся – помощь пришла. А вот ее охранники выглядели растерянными – ситуация не то что вышла, а прямо-таки мгновенно выскользнула из-под их контроля, и они теперь не знали, что делать. Мария и адвокат переоделись в том же кабинете и вышли на улицу – журналисты уже уехали, унося в свои редакции жирные и сладкие куски сенсации, и Михаил Яковлевич спросил:

– Поедем в мой офис или пообедаем где-нибудь? Я знаю очень неплохие места.

– Лучше в офис – надо кое-что обсудить.

В его машине она села на заднее сиденье, расстегнула полушубок и вытащила из заднего кармана брюк обычный конверт. Как и говорила Ольга, там были банковская карта с написанным на ней карандашом PIN-кодом, и флешка, но сейчас Марию больше всего интересовала записка, прочитав которую, она всерьез призадумалась – история становилась, как говорила кэрролловская Алиса, все страньше и страньше.

В офисе Любимов распорядился насчет кофе для Марии, чая для себя и показал ей глазами на сигареты – курите, мол, если хотите. После всего, что она видела, слышала и прочитала, Мария хотела, да еще как. Адвокат выжидающе посмотрел на нее, и она вместо ответа протянула ему записку. Он пробежал ее глазами, вернул, и Мария, скомкав и положив в пепельницу, подожгла ее.

– Я знаю расклад во властных структурах, и эта ситуация меня удивляет, – покачал головой Любимов. – Чтобы человек, который только что попал туда, вел себя столь нагло? Действовал в манере 90-х? Этому есть только два объяснения. Или он безумец, или…

– Его заставили, – договорила за него Мария. – Ольга пишет, что у нее есть доказательства, но она не может ими воспользоваться, пока ее дочери не окажутся в безопасности. Вот теперь и предстоит придумать, как нам забрать из дома девочек и где их поселить, чтобы обеспечить Ольге и вам свободу действий.

– В чем проблема? – удивился Любимов. – Позвоните мужу. Ушли вы от него или нет, но он все равно остается полицейским.

– Да я бы ради Ольги и девочек и позвонила, и просила, и умоляла, если бы в этом был толк. Но Гуров для Болотиных пальцем о палец не ударит – он разорвал отношения с Игорем, а значит, и со всей семьей. Он максималист: или все, или ничего.

– Тогда у меня возникла другая идея. Я в субботу был на закрытом кинопоказе и имел удовольствие видеть, какие люди поздравляли вас с успехом и обещали решить любые ваши проблемы.

– Вы знаете, кто такой Андрей Владимирович? – удивилась она.

– То, что это знаю я, неудивительно. Странно то, что это знаете вы! – выразительно произнес Любимов. – Интересно откуда?

– Крячко вчера сказал, – объяснила она.

– Поражаюсь легкомыслию некоторых людей, – покачал головой адвокат. – Этот человек явно забыл древнее изречение: чем длиннее язык, тем короче жизнь. А господина Ольшевского я знаю давно – я же его защищал. И именно благодаря мне он вместо законных десяти лет получил всего лишь пять, а вышел на свободу вообще через два. Я и сейчас являюсь одним из его адвокатов. Вот представьте себе! Образования нет, но врожденная интеллигентность. Острейший ум – он прекрасный шахматист. Уверяю вас, что легальным путем он заработал бы в сотни раз больше, хотя он и сейчас очень состоятельный

человек. Но! Авантюрный склад характера! Ему тесно в рамках закона!

– Стоит ли всерьез воспринимать слова, сказанные им под влиянием минуты? – засомневалась Мария.

– Вы не понимаете. Если такие люди, причем публично, дают обещание, они его выполняют всегда! Невыполненное обещание – это очень серьезное пятно на репутации, которой они дорожат. Поэтому они очень хорошо думают, прежде чем что-то сказать. Я предлагаю вам обратиться к нему, и он обязательно найдет выход из положения.

– Полагаю, что звонить Тамаре, чтобы узнать его номер телефона, мне не надо? – усмехнулась Мария.

– Конечно – он же у меня есть. Я думаю, что мы можем совместить приятное с полезным и пообедать вместе, если у него нет своих планов, – предложил Любимов.

Мария собралась уже сказать, что не одета подобающим образом для такой встречи, но тут у нее перед глазами встали Маришка и Иришка Болотины, и она не издала ни звука – какие, к черту, наряды, когда две девочки сейчас в заложницах у каких-то мерзавцев? Любимов позвонил и договорился о встрече.

– Все замечательно! – довольно проговорил он. – Ольшевский сейчас в городе, и мы встречаемся через час в маленьком, но очень уютном ресторане в старомодном стиле для весьма ограниченного круга людей. Могу вас заверить, что это заведение себя ничем не скомпрометировало, так что вашей репутации ничего не грозит.

Ресторан со странным названием «Юла» оказался именно таким, как сказал Любимов – старомодным: бархатные скатерти на круглых столах, ручной работы кружевные салфетки, советских времен вазочки с цветами, низко висящие матерчатые абажуры с бахромой, на стенах в рамках иллюстрации картин русских художников, сидящие на комодах куклы, вереницы слоников… Чувствовалось, что хозяин тоскует по своему далекому детству и не пожалел денег, чтобы воплотить здесь интерьер своего родного дома. Но был он в этом, видимо, не одинок, потому что все столы были заняты солидными,

респектабельными людьми в возрасте.

Как оказалось, Ольшевский ждал их в отдельном кабинете, у входа в который стояли два охранника. В этот раз он был одет по-простому: рубашка, джемпер, брюки, но Мария с первого взгляда поняла, каких денег стоит эта кажущаяся простота. Он поднялся им навстречу, помог Марии снять полушубок, пригласил к столу и, внимательно посмотрев на нее, уверенно произнес:

– Я вижу, что у вас нешуточные проблемы. Но давайте поговорим об этом хотя бы за кофе, чтобы не портить аппетит. Я, с вашего позволения, заказал все самое вкусное, чем славится этот ресторан, надеюсь, вам тоже понравится. – Он взял хрустальный графин с водкой и спросил: – Мария, вы выпьете или тоже за рулем, как Михаил Яковлевич?

– Выпью, но хотелось бы чего-нибудь полегче, а то проблемы уж очень тяжелые, – попыталась пошутить она.

Официанты засуетились, засновали как челноки, проголодавшаяся Мария ела и восхищалась – все было необыкновенно вкусно, но ее смущало то, что порции были крошечные, буквально в одну ложку, а потом она поняла, что Андрей Владимирович заказал действительно все! А чтобы его гости смогли это «все» оценить, распорядился подавать вот на таких маленьких тарелочках. Ну а вино было просто восхитительным! Когда подали кофе, Ольшевский сказал:

– Будем считать, что банкет, на котором вы не были, все-таки состоялся, и перейдем к делу. Я вас внимательно слушаю.

– Андрей Владимирович! – начала Мария. – У меня очень большая проблема – это беда, которая случилась с семьей моей подруги. Ее зовут Ольга Леонидовна Болотина, она жена Игоря Петровича…

– Я в курсе, что сегодня произошло, – перебил он ее. – Это ужасно! Будем надеяться, что Болотин поправится. Продолжайте.

– К сожалению, я не знала, что встречусь с вами, и сожгла записку, которую мне в больнице, тайком от охранников, а на самом деле своих тюремщиков, передала Ольга, но я перескажу ее содержание, а также все, что знаю. Так вот, три года назад Игорь нечаянно оскорбил сотрудника администрации президента

по фамилии Попов. После этого у него начались серьезные неприятности и перед ним закрылись двери всех кабинетов. Я не раз слышала, как Игорь говорил, что это, видимо, Попов решил отомстить ему, но не просто отомстить, а еще и разорить. Опасаясь самого страшного, Болотин еще тогда написал на имя Ольги генеральную доверенность на ведение всех дел.

– А его сын? – удивился Любимов.

– Если бы убили Игоря, то и Петьку бы не пощадили – он же наследник. Игорь его с самой молодости себе в преемники готовил, а Ольгу никто в расчет не принимает – женщина же! Полгода назад вице-премьером правительства был назначен некто Денисов, а у него есть зять, Никитин, через которого Денисов стал требовать, чтобы Болотин продал ему за бесценок свой бизнес. Игорь, конечно, отказался, и тогда начался настоящий беспредел, вплоть до запугивания убийством его самого и семьи. Никитин как-то смог перетянуть на свою сторону начальника службы безопасности Болотина, а тот, как только пришел на работу к Игорю, полностью сменил всю охрану, там теперь везде его люди. И Игорь с семьей оказались заложниками в собственном доме, который прослушивается и просматривается, как сказала Ольга, вплоть до туалетов. Этот начальник охраны когда-то работал в милиции и до сих пор пользуется в тех кругах большим авторитетом, так что в полиции Игорь ничего не добился бы. А больше ему обратиться было не к кому – все его прежние друзья отвернулись от него, и связи были порваны. Тогда Игорь решил попросить о помощи одного уголовника по фамилии Жеребцов. И тот выяснил, что за всем этим стоит Попов. Я была занята на съемках, постоянно в разъездах, потом озвучка, поэтому в последнее время мы с Ольгой не общались, и я не знаю, что еще произошло, но мне хватило и того, что я видела сегодня в больнице.

Голос Марии задрожал, и тут вмешался Любимов:

– Давайте я расскажу. Андрей Владимирович, в Склифе работает мой бывший клиент, которого я вытащил из мерзейшей истории, так вот, он сказал, что это главврач распорядился не давать пока никому никакой информации о Болотине. Пришлось жестко давить, чтобы он провел нас к Ольге. Если бы та не смогла каким-то образом найти сотовый и позвонить Марии, никто бы ничего не знал, потому что по телевизору на тот момент о покушении не было сказано ни слова.

– Понимаете, Ольга – тихая, скромная, интеллигентная, но за свою семью она будет биться насмерть, – с жаром снова заговорила Мария. – Она сказала, что ей

есть что предъявить. Может быть, это та флешка, которую она мне передала и попросила сохранить, но у нее наверняка остался оригинал. Но, что бы это ни было, она не может этим воспользоваться, пока ее дочери в заложницах у подонков-охранников. В доме осталось всего два человека, которым можно верить: это горничная девочек Оксана и ее жених Павел. Ольга умоляла меня как-то вытащить ее дочерей из дома и спрятать в надежном месте. У меня нет своих детей, и я люблю девочек как родных. Если они будут в безопасности, она сможет бороться, а я ей чем смогу помогу.

– Денисов и Никитин, – словно пробуя эти фамилии на вкус, произнес Андрей Владимирович. – Полная ерунда! Столь грубых наездов на таком высоком уровне и в 90-е не было.

– Ширма! – уверенно сказал Любимов. – Но вот кто за ней? Снова Попов?

– Мария, а почему Ольга обратилась за помощью именно к вам? – спросил Ольшевский. – У нее что, нет родителей, тетей-дядей, братьев-сестер, хотя бы двоюродных?

– У нее совсем никого нет, кроме Игоря и девочек. Оля родилась, когда ее родителям было уже хорошо за сорок, а братьев и сестер у них не было. Ее бабушки и дедушки к тому времени уже умерли, а отец скончался, когда она школу оканчивала. Ирина Андреевна была учительницей музыки и французского, так что днем она в школе работала, а по вечерам частные уроки давала. Ольга тоже французский язык в школе преподавала, а потом познакомилась с Игорем и замуж за него вышла. Старые подруги ее от зависти, естественно, возненавидели, а новых она в высшем свете себе не нашла – она же там белая ворона. Ирина Андреевна два года назад умерла. Они ее к себе из Твери забрали, когда она совсем уже плохая стала. Она все отказывалась ехать, ждала, может, Юрий вернется.

– А это кто? – поинтересовался Ольшевский.

– Это ее сын от первого брака. Когда первый муж умер, она долго одна жила, вот Юрий, видимо, и решил, что он всегда будет единственным мужчиной в ее жизни. А у них был сосед по коммунальной квартире, Леонид Михайлович Лобанов. Он со своей матерью всю жизнь прожил, а после ее смерти совсем один остался. Они много лет друг друга знали, симпатизировали друг другу. Сначала

сошлись, а потом, когда Ирина Андреевна забеременела, официально поженились. А Юрий то ли решил, что он ей теперь не нужен, то ли общий язык с отчимом найти не смог, сбежал из дома. Ирина Андреевна его искала, и ей сообщили, что он погиб. Только она не поверила, говорила, что сердце ей подсказывает – жив он, и продолжала искать. Она и с Ольги клятву взяла, что та брата искать будет – ей-то с деньгами это проще сделать. Ольга и в передачу «Жди меня» обращалась, и запросы куда только не отправляла, и Гуров по ее просьбе пытался его найти, а отовсюду только один ответ – нет такого. А у Ольги фотографии-то его только детские, она его ни разу в жизни не видела, потому что родилась, когда он уже убежал. Она хочет хоть могилку его найти, если он все-таки действительно погиб, чтобы памятник поставить. Вот и получается, что не к кому ей было больше обратиться! – Мария не выдержала и разрыдалась.

– Знаете, Мария, я думаю, что вам все-таки следует водки выпить, чтобы успокоиться, – сказал Ольшевский и налил ей полную рюмку.

Она выпила, похлюпала носом и пробормотала:

– Вы извините меня, пожалуйста, что-то нервы разгулялись. Слишком много на меня в последнее время навалилось.

– Да за что же вас извинять? За то, что вы такой верный и преданный друг? За то, что не для себя что-то просите, а для подруги? Ради ее детей стараетесь? – удивился Андрей Владимирович и, немного подождав, спросил: – Ну, успокоились? Вот и дальше ни о чем не волнуйтесь. Девочек из дома мы, конечно, заберем, а потом спрячем вас вместе с ними. Вы сейчас напишите мне адрес Болотина, нарисуйте план участка, подробный план дома, а потом расскажете все, что знаете о соседях.

Он наблюдал, как Мария старательно рисовала, потом внимательно слушал, что она говорила о поселке, доме и соседях, но неплохо знавший его Любимов видел, что тот взбешен до предела. Не исключено, что на самого себя за то, что позволил втянуть себя в такую авантюру. Когда Строева закончила, Андрей Владимирович сказал:

– Мария, встретившись сегодня с госпожой Болотиной, вы попали в поле зрения врагов этой семьи. Они обязательно захотят узнать, что именно она вам

говорила, а может быть, и передала, поэтому я дам вам охрану.

Только сейчас Мария до конца поняла, во что именно она впуталась, и испугалась по-настоящему – раньше ей не до этого было.

– А вот бояться не надо, – мягко сказал ей Ольшевский. – Все ваши проблемы закончились, когда вы вошли в этот кабинет. Обещаю вам, что скоро все ваши мучения закончатся, – улыбнулся он. – Сейчас вы позвоните в дом Болотиных и передадите прислуге приказ Ольги Леонидовны собрать ей вещи для больницы и еще пару-тройку платьев или костюмов. Скажете, что заедете за вещами… ну, где-то к восьми, чтобы туда успели приехать люди, которые захотят с вами побеседовать. После этого звонка вы поедете домой и соберете сумку со всем необходимым на… предположим, дней десять-четырнадцать. Я думаю, этого времени мне хватит, чтобы разобраться в этой истории. Только вот сотовый свой оставьте дома, потому что по нему можно легко вычислить, где вы находитесь.

– Как вы думаете, когда эта история может закончиться? У меня же театр, спектакли, – осторожно заметила Мария.

– Как можно сейчас об этом говорить? – удивился Любимов. – Мы еще даже не начали по-настоящему заниматься этим делом. Вот посмотрим, что есть у нас на руках… Кстати, отдайте мне ту флешку, которую вам дала госпожа Болотина, – попросил он и, взяв ее, продолжил: – Посмотрим, какие козыри на руках у противной стороны, вот тогда и появится хоть какая-то ясность. Что касается вашей работы, то напишите заявление на отпуск за свой счет сроком на один месяц по семейным обстоятельствам, и я все устрою, – заверил ее адвокат и, достав из портфеля, протянул листок бумаги.

Мария быстро написала и отдала ему заявление, а у Ольшевского спросила:

– А не получится так, что у Болотиных меня схватят и заложниц станет на одну больше?

– Да кто же вас туда пустит? – усмехнулся он. – Ваша задача – сидеть дома и ждать звонка, а остальное предоставьте мне.

– Андрей Владимирович! – Мария молитвенно сложила руки на груди. – Это же две маленькие девочки! Неужели вы думаете, они не чувствовали, что вокруг

творится неладное? Не видели, как нервничают родители? И чувствовали, и видели! И им было очень страшно! А тут еще их мама срочно уехала из дома, и неизвестно, позволили ли ей им позвонить. Поймите! Меня они знают и верят мне! Со мной они пойдут охотно и безбоязненно. А тут придут незнакомые люди и заберут их от единственных близких им сейчас людей! Детям и так плохо, а после этого они перепугаются насмерть! Я обязательно должна пойти с вами!

– Хорошо! – подумав, согласился Ольшевский. – Но вместо вас будет ваша запись. Убедите их, что они могут мне доверять.

Он достал смартфон, включил его, повернул экраном к Марии и кивнул, показывая, что она может говорить. Она сосредоточилась и начала:

– Маришка! Иришка! С вашими мамой и папой все в порядке! Ваша мама попросила меня забрать вас из дома, но я не смогла бы сделать это сама, потому что вас никто не отпустил бы со мной. Поэтому я попросила о помощи одного очень хорошего человека. Котята! Вы знаете, как я вас люблю! Знаете, что я желаю вам только добра! Поэтому, пожалуйста, поверьте этому человеку, как верите мне, и уезжайте с ним. Он привезет вас ко мне. Мы будем жить вместе до тех пор, пока ваши мама с папой не решат все проблемы, а потом вы вернетесь к ним. Пожалуйста! Поверьте мне и этому человеку!

– Думаю, этого хватит, – выключил смартфон Ольшевский. – Девочек отвезут в условленное место, где к ним присоединитесь вы, а потом вы втроем уедете. Когда доберетесь до места, я дам возможность Ольге Леонидовне убедиться, что с вами все порядке, чтобы она ни о чем не беспокоилась. Мы с ней будем заниматься делом, ну а вы – отдыхать. Все необходимое там есть, так что деньги вам не понадобятся. А теперь звоните в дом Болотиных, пусть их недруги приготовятся встретить вас в восемь, мы уже нанесем туда визит немного раньше.

Мария собралась с духом и позвонила, стараясь говорить спокойно. Попросив к телефону Оксану, она передала ей просьбу Ольги, пообещав приехать за вещами в восемь часов вечера. Отключив телефон, она посмотрела на Ольшевского, который постучал вилкой по бокалу, а когда дверь приоткрылась и появилась голова телохранителя, приказал:

– Нужно отвезти госпожу Строеву домой и подежурить там. Бдительно! – выделил он, и охранник понимающе кивнул. – Потом я позвоню и скажу, куда ехать дальше. И вызови вторую машину охраны для меня. – Голова телохранителя исчезла, и Андрей Владимирович повернулся к Марии: – Я не уверен, что мы с вами еще когда-нибудь увидимся, так что на всякий случай прощайте, Мария! Я был счастлив познакомиться с вами.

– А я на всякий случай скажу «До свидания!», – улыбнулась она. – Я – обычный человек и, может быть, неплохая актриса, но, если когда-нибудь смогу сделать для вас хоть что-то, сделаю это с радостью.

Ее вывели из ресторана через служебный вход, и она села на заднее сиденье в огромный джип. Когда он тронулся, сидевший впереди телохранитель обернулся к ней со словами:

– Госпожа Строева! Вы не будете против, если один из нас посидит внутри вашей квартиры на стуле возле входной двери? Знаете, шеф зря не скажет, а так все-таки надежнее будет.

Мария кивнула и с тоской подумала: «Да-а-а! Кажется, дело еще серьезнее, чем я предполагала!»

Как только Мария вышла из кабинета, Ольшевский предложил:

– Михаил Яковлевич, давайте посмотрим, какие козыри у нас на руках.

Любимов достал планшет, вставил в него флешку, и они услышали молодой и наглый мужской голос:

– Ну что, болото гнилое? Опять будешь пердеть вонючими пузырями или наконец поймешь, что выхода у тебя нет?

– Господин Никитин! Сколько бы вы меня ни запугивали, вы не заставите меня разорить свою семью, – ответил ему другой мужской голос, в котором слышалась откровенная ярость.

– А если семьи не будет? Что тогда? – рассмеялся наглец. – Или ты еще не понял, урод, что конец для тебя все равно один? Так что расслабься и не дергайся. Тогда хоть какие-то гроши получишь!

– Мой ответ был, есть и будет только один: «Нет!»

– Ну все! Ты меня достал! Или ты, сука… – угрожающе начал молодой человек, но его перебили:

– А не пошли бы вы с вашим тестем на хрен!..

Андрей Владимирович остановил запись и сказал:

– Да, здесь есть о чем подумать. – Ну что же! «Мы принимаем бой», как сказал Акела, – усмехнулся он. – Общее представление об этой истории я получил, и мне этого пока достаточно. Вы прослушайте запись до конца – вдруг что-то полезное для нас найдете, а потом расскажете мне. Еще узнайте по вашим каналам все о Денисове и Никитине, ну а я по своим выясню, что представляет собой эта «сладкая парочка». Но самое срочное – это ваш договор с Болотиной и ее договор с ЧОПом «Юлиан» на оказание услуг по охране всего, чего возможно. Вы езжайте к себе в офис, а я подошлю к вам его директора. Оформите все и поедете в больницу, где Болотина подпишет бумаги – нужно как можно скорее окружить ее надежными людьми. Они будут ждать вас на въезде в больницу, старшего зовут Ветер, инструкции я парням дам. Ну а офисом займемся завтра. И предупредите Болотину, что завтра в девять мы с вами нанесем ей визит. Я уже сегодня решу некоторые вопросы и в восемь утра буду у вас в офисе, обменяемся новостями и уже оттуда поедем к Ольге Леонидовне. Уверен: мне будет что ей рассказать, да и ее послушаем. Ну а потом начнем действовать – пора наводить порядок в датском королевстве!

Ольшевский первым вышел из кабинета, в сопровождении охраны тоже через служебный ход покинул ресторан и, сев в машину, приказал водителю:

– В ЧОП! – А потом охраннику: – Предупреди Старого, чтобы все были на месте.

Частное охранное предприятие «Юлиан» затерялось в Москве среди себе подобных мелких организаций и не стремилось подняться выше или привлечь к себе внимание. Оно не обслуживало звезд шоу-бизнеса и пафосные

мероприятия, а занималось делом самым рядовым – сопровождением грузоперевозок. Владельцем ЧОПа был отставной майор-артиллерист по фамилии Божедомов, бухгалтером – старый, лысый, невзрачный мужчина с крючковатым носом и печальными карими глазами, который так скрупулезно вел дела, что налоговая инспекция на него только что не молилась. В штате ЧОПа было пятьдесят охранников, мужчины от тридцати до пятидесяти лет самой заурядной внешности, все с лицензией на оружие. Сотрудники одевались соответственно весьма средней зарплате и, казалось, были вполне довольны своей судьбой. Одним словом, это была обычная, не очень процветающая контора с укомплектованным штатом и определившимся за годы работы профилем деятельности.

Но это была видимая часть айсберга. На самом деле ЧОП принадлежал Ольшевскому, о чем знали лишь несколько человек, а Божедомов, которого он когда-то вытащил из большой беды, лишь играл роль владельца. Бухгалтером был Борис Нахимсон, финансовый гений и давний подельник Андрея Владимировича в его экономических аферах, который был убежден, что чем темнее дела творятся в конторе, тем прозрачнее должны быть документация и отчетность. Из пятидесяти охранников только десять действительно занимались сопровождением грузов, а вот остальные…

Остальные сорок, которыми командовал мужчина по прозвищу Старый, тоже якобы работали по каким-то там договорам с какими-то там предприятиями, а на самом деле были личной гвардией Ольшевского. Этих высококлассных профессионалов-универсалов Андрей Владимирович собирал поштучно на протяжении всей жизни: и на воле, и в течение своих недолгих отсидок, потому что уже тогда строил далеко идущие планы. Это Россия может выбрасывать на обочину жизни людей, прошедших огонь, воду и чертовы зубы, приобретших бесценный опыт боевых действий в любых условиях и сумевших остаться в живых, а Ольшевский себе такой расточительности позволить не мог. Эти люди нахлебались лиха досыта, иллюзий по поводу заботы о них матери-Родины не питали и, когда Андрей Владимирович предлагал им работать лично на него, соглашались не раздумывая. Платил он им столько, что каждый из них мог позволить себе отпуск на Мальдивах, ни в чем себе не отказывая, но условие поставил жесткое – не высовываться! Не привлекать к себе внимания! Они простые работяги, и только! Вот за границей пусть хоть в костюмах от Кардена разгуливают, а в России – ни-ни! Мужики все были жизнью битые, правоту его признали без споров, и никаких недоразумений никогда не возникало. Действовали они всегда без осечек, вот и сейчас должны были сработать чисто.

К приезду Ольшевского все сорок бойцов, Божедомов и Борис были уже в сборе и, понимая, что предстоит работа, ждали только его инструкций. Отправив директора к Любимову, Андрей Владимирович начал:

– Парни! Есть работа! Обещаю пир духа и именины сердца! У группы Ветра праздник начнется сегодня, у остальных с завтрашнего дня, потому что вы некоторое время будете работать в охране госпожи Болотиной. Разрешаю надеть хорошие костюмы, белые рубашки и все сопутствующее, но особо не выпендриваться – телохранитель не может быть одет лучше, чем охраняемое лицо. – Парни переглянулись и радостно загалдели. – Ша! Я еще не все сказал. Ветер, ты со своими сейчас по домам, быстро приводите себя в порядок и едете к Институту Склифосовского. Любимова знаешь? – Мужчина лет тридцати пяти кивнул. – Дожидаетесь его и проходите вместе с ним. Днем возле Болотиной было два телохранителя, сейчас, в связи с некоторыми обстоятельствами, их может больше. Так вот, их нужно аккуратно, то есть без членовредительства, заменить. Документы, оружие, средства связи отобрать и подержать где-нибудь в укромном месте до моего распоряжения. Болотина находится в реанимации, охранять ее так, чтобы мимо вас муха не пролетела. К самой Болотиной, кроме Любимова, никого не подпускать. Вопросы?

– Я все понял, шеф. Сделаем, – кивнул Ветер.

– Тогда забирай своих, и вперед, – распорядился Ольшевский и, когда парни вышли, продолжил: – Теперь Француз и Левша! Ваша очередь наступает завтра. Где офис Болотина находится, никому рассказывать не надо? – Парни помотали головами. – Вот возле него и будете ждать в машинах, когда Болотина и Любимов появятся. Поступаете в ее распоряжение. Всю охрану в офисе нейтрализовать, оружие, пропуска и средства связи отобрать и запереть где-нибудь до моего распоряжения. Идите и готовьтесь!

Еще две группы парней вышли, и осталось десять человек.

– Ну а нам с тобой, Старый, как всегда, остается самое сложное, – сказал Ольшевский. – Вот планы участка и дома, где держат двух девочек, дочерей Болотиных. Сколько там охраны, не знаю, но ближе к восьми часам может прибавиться. Наша первая задача – нейтрализовать охрану, чтобы можно было забрать из дома детей и кое-кому их передать. Причем все нужно сделать тихо! Не нужно пугать девочек еще больше, они и так все последнее время в постоянном страхе прожили. А сейчас их отец в больнице, мать рядом с ним, а

они там в заложниках. Из всех близких людей рядом – только их горничная Оксана и ее жених Павел. Их не трогать. Задача вторая – выяснить, кто стоит за травлей Болотиных. Трупы нам не нужны, но тех, кто будет активно сопротивляться, разрешаю утихомирить, не соблюдая правил приличия, а все средства связи отобрать. И мне нужна правда! Док! Это по твоей части!

– Без проблем, шеф, – отозвался один из парней. – Я им такое запиндюрю – как сороки стрекотать будут.

– Уж постарайся! Как только все узнаем, охрану поместим в подвал, чтобы не подняли шум раньше времени. А завтра утром вы являетесь туда при полном параде, после моей команды выпускаете из подвала тех, кто там сидел, и приступаете к охране вверенного вам участка. Затем уходим так же тихо, как пришли. Короче, нас там не было. Задача ясна? – Мужики загудели, что, мол, не в первый раз, чего ж в них сомневаться? – Тогда идите собираться, ну и мне форму приготовьте. Хочу немного размяться.

Когда бойцы вышли, Нахимсон грустно спросил:

– Андрюша, во что ты на этот раз вляпался? Я еще не настолько стар, чтобы забыть те времена, когда мы с тобой мечтали о том, чего ты со своей светлой головой можешь добиться. Ты добился даже большего! И теперь хочешь всем рискнуть? Ответь мне, босяк, почему ты не даешь мне на старости лет пожить спокойно? Ради чего ты влез в эту историю?

– Долго объяснять, Боря, – отмахнулся Ольшевский.

– Ну, так объясни хотя бы вкратце! – раздраженно попросил тот.

И Андрей Владимирович ему все рассказал. Старик всплеснул руками, потом укоризненно покачал головой и произнес:

– Это в корне меняет дело. И ты прав, здесь нужно сделать все возможное. Куда ты собираешься деть детей?

– На хутор к Тихону. С одной стороны, это недалеко от Москвы, а с другой – там их никто не увидит. Да еще пару парней с ними поселю для надежности.

Живности у Тихона полно, и детям будет чем заняться – это же для них такая экзотика. Все удобства в доме есть, так что живи не хочу.

– Знаешь, что я подумал? А отправлю-ка я свою Софу с внуками в Израиль прямо сегодня, первым же рейсом, где будут свободные места. Если враги Болотина будут очень глубоко и широко копать, то это их отвлечет.

– В этих вопросах я целиком и полностью полагаюсь на тебя, потому что мне тоже будет чем заняться. Ну, я пошел, а то парни, наверное, уже собрались и ждут только меня.

– Ты все-таки идешь с ними, – вздохнул Нахимсон. – Босяк! Сколько я тебя ни воспитывал, а ты так и остался мелким фраером с дешевыми понтами! – и отвесил ему подзатыльник.

Андрей Владимирович в ответ только рассмеялся. Этих двоих связывали годы не просто дружбы, а практически родства, и наедине они могли позволить себе не церемониться друг с другом. Именно Борис Моисеевич Нахимсон, цеховик со стажем и подпольный миллионер, когда-то разглядел в молодом Ольшевском те качества, которых, увы, не нашел в своем сыне. С тех пор он старательно лепил из Андрея своего преемника, который в конце концов превзошел учителя.

Мария металась по квартире, постоянно посматривая на часы, и ей казалось, что даже секундная стрелка прилипла к циферблату. Сумка была давно собрана, сама она одета, оставалось только накинуть полушубок, а звонка все не было. Ее нервы были напряжены до предела, казалось, еще чуть-чуть, и они лопнут с оглушительным звоном, потому что ничего не выматывает больше, чем неизвестность. Она уже и сигареты все выкурила, и кофе пила чашку за чашкой, и парней накормила, и, чем еще занять себя, не знала. Когда у сидевшего возле двери парня зазвонил сотовый, она от неожиданности чуть не подпрыгнула на месте и бросилась в коридор.

– Пора! – сказал тот, выслушав, что ему сказали, и у Марии от величайшего облегчения даже голова закружилась.

Ехать пришлось не меньше часа – пробки, будь они неладны! – и, когда машина остановилась на выезде из города и в нее посадили Марину с Ириной, Мария

наконец облегченно вздохнула. Прижав к себе севших по обе стороны от нее девочек, она окончательно успокоилась, и они втроем даже задремали, укачиваемые плавным ходом автомобиля. Проснулась Мария, когда машина посигналила, потом послышался скрип ворот, и они заехали во двор.

– Ну, здравствуйте, гости дорогие! – приветствовал их старик. – Я – дед Тихон. Меня обо всем предупредили, и комнаты вам готовы.

– Да мы и в одной поместимся, – отказалась Мария, которая все-таки хотела быть поближе к девочкам.

– Ну, как хотите, – развел руками Тихон. – Дети-то где?

Сонных девочек на руках занесли в дом. Мария начала снимать с них шубки и сапожки, они проснулись, и тут… Тут Марина увидела котенка и больше уже не могла оторвать от него взгляда.

– А потрогать его можно? – прошептала она.

– И поиграть тоже, – рассмеялся дед Тихон. – А еще у меня есть собаки, поросята, козы, кролики, куры, корова с теленком и лошадка.

– И их тоже можно будет потрогать? – не веря такому счастью, спросила Ирина.

– Можно! А с некоторыми даже и поиграть. А сейчас выпейте на ночь молочка тепленького с домашней ватрушкой и идите спать. Намаялись, чай, за день!

Вторник

Утром, как они и планировали, Ольшевский, в этот раз с бородкой и в очках, и Любимов встретились в офисе адвоката. Обменявшись новостями, они решили, что Михаил Яковлевич будет осуществлять официальную защиту интересов Ольги Леонидовны, а Андрей Владимирович – неофициальную.

– Как вы любите совать голову в пасть голодного льва! – вздохнул адвокат. – Учтите, что может наступить момент, когда даже ваше, скажем прямо, очень высокое положение в определенных российских кругах может вам не помочь.

– Ах, дражайший мой Михаил Яковлевич! – рассмеялся Ольшевский. – С некоторых пор у меня началась такая пресная жизнь, что порой хочется добавить в нее немного жгучего перца. А теперь давайте поедем к Ольге Леонидовне – надо же нам успокоить ее и выработать план действий на ближайшее будущее. Только не обижайтесь, но часть нашего маленького совещания мы с ней проведем тет-а-тет – вам, как лицу официальному, лучше не знать, о чем мы будем говорить.

В Склифе они беспрепятственно прошли к палате Болотиной, возле которой стояли двое крепких молодых ребят. Ольга поздоровалась с адвокатом и вопрошающе посмотрела на Ольшевского, а тот, не дав Любимову и рта открыть, начал говорить сам:

– Ольга Леонидовна, мы с вами видимся в первый и последний раз в жизни, так что представляться мне, я думаю, смысла нет. Я просто друг Марии Строевой, которая попросила меня вам помочь, и я обещал, а обещания свои я выполняю всегда. Ваши дочери и Мария в полнейшей безопасности, и я сейчас дам вам возможность посмотреть на них, а если они уже проснулись, то и поговорить. Условие очень простое: не спрашивайте, где именно они находятся. Поверьте, это делается в целях их же безопасности. Пока мы не будем точно знать, что опасность миновала, нужно быть очень осторожными. Вы согласны со мной?

Все время, пока он говорил, Болотина, не отрываясь, смотрела на него, а в ответ просто кивнула.

– Я рад, что вы со мной согласились, это намного облегчит мне работу, – продолжил Ольшевский. – Далее. Вы можете целиком и полностью доверять вашей новой охране, которая будет работать в больнице, в офисе и у вас дома до тех пор, пока ситуация не нормализуется. Следующее. После того как вы пообщаетесь со своими детьми, Михаил Яковлевич отправится к главврачу, чтобы все-таки выяснить, почему он дал приказ не сообщать в полицию о поступлении вашего мужа в больницу. Ну а мы с вами очень подробно побеседуем наедине – мне нужно знать в малейших деталях, что именно происходило с вашей семьей с тех пор, как на господина Болотина объявили охоту. Мне будут интересны ваши соображения, предположения, догадки,

подозрения, да все что угодно, по этому поводу. Не возражаете?

Ольга в ответ опять только покивала, а Андрей Владимирович достал планшет, включил скайп и куда-то позвонил. Когда ему ответили, он спросил:

– Твои гости уже проснулись?

– Давно! Уже и позавтракать успели, а сейчас во дворе за кролем гоняются. Я им его специально из клетки выпустил, вот они его и ловят. Так в снегу вывозились все трое, что на снеговиков похожи. А уж хохоту! Визгу! На километр вокруг всех ворон распугали.

– Позови их, пожалуйста, – мать хочет на них посмотреть, – попросил Ольшевский.

Некоторое время Ольга слышала только звук чьих-то шагов, скрип дверей, а потом мужской голос позвал:

– Девки! Ходь сюды! Тут с вами поговорить хотят.

– Разговаривайте, – сказал Ольшевский, отдавая Ольге планшет.

Болотина впилась глазами в экран и, когда увидела раскрасневшуюся от беготни и мороза Марию с выбившимися из-под капюшона волосами, от величайшего облегчения рухнула на стул, а вот Мария, увидев ее, принялась успокаивать:

– Оля! Оленька! Не волнуйся! С нами все в порядке! Мы живы и здоровы! Девочки! Быстро! Сюда! Мама звонит!

Почти тут же появились прижавшиеся друг к другу головы запыхавшихся девочек, и Марина затараторила:

– Мама, а мы кролика ловим! А тут еще котята есть, и собачка…

– А мы сегодня козу гладили, – добавила Ирина. – А еще я лошадку яблочком кормила!

– Мама! Тут так здорово! Приезжай, а?

– Заканчивайте, – сказал Ольге Андрей Владимирович.

– Родные мои! Любимые! Самые дорогие на свете! Я постараюсь приехать как можно быстрее, – со слезами в голосе говорила Ольга. – А вы пока во всем слушайтесь Тему, не шалите, хорошо кушайте, тепло одевайтесь, чтобы не заболеть. А главное, помните, что мы с папой вас очень-очень любим. Целую вас, солнышки мои ясные!

– Мы тебя тоже любим, мама! И папу! И Тему!

– Все! – решительно сказал Ольшевский, отбирая у Ольги планшет, и выключил его.

– Спасибо! Спасибо огромное! – На это Ольшевский просто отмахнулся – ерунда, мол. – А сейчас, извините, мне надо умыться, – все еще нетвердым голосом сказала она и скрылась в туалете.

– Михаил Яковлевич, вы собирались с кем-то поговорить? – напомнил адвокату Андрей Владимирович и, выйдя вместе с ним в коридор, шепнул одному из охранников: – Помогите господину Любимову выяснить все, что ему надо.

Парень кивнул, шепнул что-то себе в воротник, и через минуту уже другой охранник шел вместе с адвокатом по коридору, и можно было не сомневаться, что главврачу придется назвать фамилию того, кто хотел сохранить в тайне покушение на Болотина.

Выйдя из туалета, Ольга застала в палате только Ольшевского, который приглашающим жестом указал ей на стул:

– А теперь давайте побеседуем.

День у Гурова не задался с самого утра – ночью снилась какая-то муть, так что проснулся он в отвратительном настроении. А тут еще полное отсутствие вещей Марии в доме. Когда она уезжала на гастроли или съемки, то хотя бы косметика в ванной, халат, ночнушка и тапочки напоминали о том, что жена у него все-таки

есть. А теперь создавалось полное впечатление, что женщины в этом доме и не было никогда. Лев сам от себя не ожидал, что уход Марии так выбьет его из колеи. Они, бывало, не раз разъезжались после крупных размолвок, но у него никогда не возникало ощущение, что это навсегда. А вот теперь он чувствовал, все было всерьез – Мария оставила свое обручальное кольцо, чего не делала раньше никогда, и этим показала, что отрезает себе все пути назад. Было время, и довольно продолжительное, когда Гуров жил один, так что с уборкой, стиркой и глажкой у него проблем не возникло бы. Но вот чувство, что от него самого отрезали что-то очень важное и жизненно необходимое, так и не проходило, а только все больше и больше обострялось. И это здорово нервировало.

Аврала на работе не было, так что напрягаться не приходилось, и Лев вяло копался в бумагах, выбрасывая ненужные. Крячко, чей стол стоял напротив, временами поглядывал на друга, не понимая, что с ним происходит, но, видя, что тот к разговору не расположен, мудро молчал: захочет – сам скажет. Время приближалось к обеду, когда на сотовый Гурова позвонили: это была Тамара Шах-и-Мат.

– Выйди на минуту, разговор есть, – коротко сказала она.

Общаться с этой бывшей уголовницей Льву категорически не хотелось, но он понимал, что та со своим бешеным характером будет его или у проходной караулить, или возле дома, а то и в сам дом вломится, так что проще было узнать, что там у нее сейчас, чтобы больше к этому не возвращаться. И Гуров, накинув куртку, направился к дверям, бросив Крячко, что он на минутку.

Тамара ждала Льва возле своего джипа и была, как всегда, разодета в пух и прах.

– Держи, – сказала она ему, даже не поздоровавшись, и протянула связку ключей. – Маша просила тебе отдать. А это тебе от меня. – Она достала из сумки и отдала ему компакт-диск. – Посмотри, как твоя бывшая жена сыграла. Может, хоть тогда поймешь, за что ей люди цветы охапками дарили и смотрели как на святую.

– Почему бывшая? – засовывая все это в карман, буркнул Лев. – Я еще ничего не решил.

– Она за тебя все решила – на развод подала, – пояснила Тамара. – И слава богу! Она теперь себе настоящего мужика найдет.

– А я что, искусственный? – криво усмехнулся Гуров.

– А ты вообще не мужик, а половая тряпка, – с презрением, медленно и четко выговорила она. – На Руси как повелось? Если баба чего начудит, так муж с ней сам разберется. Да хоть вожжами по спине. Но вот если кто о ней слово худое скажет, он за нее насмерть биться будет! Потому что это его женщина! Его жена! Он за нее перед Богом и людьми в ответе! Потому что муж и жена – одна сатана, и третьему между ними делать нечего! А ты? Твои дружки Орлов с Крячко сколько лет над Машей измывались? А ты ее от них защитил? Нет! И она столько лет все терпела! А все потому, что любила! Теперь все, Гуров! Была любовь, да вся вышла! Не можешь ты с бабой жить? Дура она набитая, как Орлов сказал? Не устраивает тебя чем-то? Так будь мужиком! Разведись! А ты и нашим, и вашим! И с друзьями вась-вась, и баба под боком! Да не какая-нибудь лахудра, а умная, красивая, талантливая! Она же так сыграла, что за душу всех взяла! Мужики слезы глотали, а бабы навзрыд рыдали! Ты думаешь, почему она тебя с собой на премьеру не взяла и на банкет не осталась? Подставить боялась! А ту суку, которая потихоньку все снимала, мы нашли! Спросим с него, кто послал и зачем, и мало ему не покажется! Она, вместо того чтобы царицей бала быть, к тебе поехала, а ты в такой великий для нее день спать завалился! Ты знаешь, что Стас твой ненаглядный ее проституткой назвал, которая за подарки на все готова?

– Не может быть! – выкрикнул Лев.

– И может! И было! – выразительно произнесла Тамара. – Ладно! Вижу, что разговаривать с тобой бесполезно. Ты все равно своим друзьям больше, чем Марии, веришь, так что нечего впустую воздух перемалывать. Ступай своей дорогой! А вместо жены купи себе бабу надувную! И дружкам твоим будет над кем издеваться, и тебе защищать ее не надо! А лопнет, так новую купить недолго. Если тебе самому это не по карману, так я подарю. А про Машу забудь навсегда!

С этими словами она села в свой джип и уехала. Гуров стоял, сцепив зубы. Еще никогда в жизни у него не возникало такого жгучего желания ударить женщину, но… Но она была права! Права во всем! С трудом взяв себя в руки, он повернулся, чтобы вернуться на работу, и тут ему в лицо ударил ветер, который

до этого дул в спину. Полы куртки распахнулись, холод обжег тело, и это несколько взбодрило его и окончательно привело в чувство. Когда он вернулся в кабинет, ничего не подозревавший Стас поинтересовался:

– Обедать идешь? А то там сейчас все слопают, и нам только хлеб с чаем останется.

– Подожди, – ровным голосом попросил его Гуров. – Скажи, что ты наговорил Марии после того, как Петр меня в воскресенье в госпиталь увез?

– Да ничего особенного, – пожал плечами Стас. – Объяснил, что она тебя в очередной раз подставила, и все. А ты чего спрашиваешь? Случилось чего?

– Случилось, – кивнул Гуров. – Маша от меня ушла и на развод подала.

– Ну и слава бо… – радостно начал было Крячко, но, встретив бешеный взгляд Льва, мигом заткнулся.

– Стас, скажи мне, пожалуйста, ты помнишь, как вот здесь, – похлопал Лев по столешнице, – лежали двенадцать папок уголовных дел по убийствам, которые объединили в серию. И ждали они меня! Вышел я на работу после отпуска в понедельник, и вот они! А ты в тот же самый понедельник в отпуск ушел, потому что твоя жена ножкой топнула, разводом и разделом имущества пригрозила, и ты ушки прижал. Она у тебя сотовый телефон забрала, и ты не пикнул. Ты мне скромненько так номер участкового в твоей деревне подсунул – звони, мол, если уж совсем невтерпеж станет. Я тут один вкалывал, хорошо хоть двое практикантов на подхвате были. На меня покушения устраивали, жене моей ножом угрожали и похитить пытались, а ты в это время ставни красил. Я из сил выбивался, чтобы невиновного человека из колонии освободить, а реальных убийц посадить, а ты картошку окучивал. Ответь, я тогда о твоей жене или ей самой хоть одно грубое слово сказал?

– Нет, – глядя в сторону, пробормотал Крячко.

А что он мог возразить, если именно так все и было. И чувствовал тебя Стас нагадившим в хозяйские тапки котенком, которого тычут мордой в свое собственное дерьмо. Но еще больше его пугало несочетаемое сочетание ненавидящего, испепеляющего взгляда Гурова и его ровного, вроде бы

спокойного тона.

– Правильно. Не сказал, – подтвердил Лев. – А когда твоя супружница и жена Орлова в мою семейную жизнь вмешивались, я их, может, по лестнице спустил или матом послал? А?

– Тоже нет, – отчетливо понимая, что Гуров доведен до предела и дело добром не кончится, покорно согласился Стас.

– Тогда ответь мне, пожалуйста, кто дал тебе право называть мою жену проституткой, которая за подарки на все готова? Кто дал право Орлову называть мою жену дурой набитой? Я вам такого права не давал! Будь оно проклято, мое идиотское интеллигентское воспитание! – все-таки не удержался и заорал Лев. – Нужно было в первый же раз, когда вы мою жену оскорбили, дать вам в морду! Да так, чтобы зубы фонтаном брызнули! Чтобы вы на всю оставшуюся жизнь запомнили, что не имеете права ее обижать! Ничего! И сейчас еще не поздно! Жену я этим уже не верну, так хоть за все ее мучения отомщу! Чтобы перед самим собой стыдно не было за то, что я половой тряпкой оказался!

Гуров начал подниматься со стула, и Крячко пулей вылетел за дверь. Бить его Лев, конечно, не стал бы, но, взяв за грудки, пару раз об стену точно приложил бы. Гоняться за Стасом по коридорам Главка – только людей смешить, так что Гуров скинул куртку, снова сел за стол и стал думать, как жить дальше.

Крячко же, пробежав по коридору под недоумевающими взглядами сослуживцев – плевать, когда жизнь на волоске висит, еще и не такое сделаешь! – влетел в приемную Орлова. У пожилой, много всего повидавшей за время работы секретарши Петра Николаевича при виде его глаза и очки разбежались в разные стороны: глаза полезли на лоб, а очки упали на кончик носа. Даже не поинтересовавшись, есть ли кто-нибудь посторонний в кабинете, Стас вбежал туда и прямиком пролетел в комнату отдыха. Орлов, который в этот момент как раз беседовал с одним из своих подчиненных, удивился не меньше секретарши, но, поняв, что случилось нечто из ряда вон, быстренько выпроводил того и пошел к Крячко, чтобы узнать, где горит. Стас стоял возле открытого холодильника и жадно пил минералку прямо из горлышка. С трудом отобрав у него бутылку, Петр вернул ее на место, посадил все еще неадекватного Крячко на диван и потребовал объяснений.

– Маша ушла от Гурова и подала на развод, – выдал Стас.

– Ну и слава… – начал Орлов, но Крячко перебил его самым язвительным тоном:

– Ты только при Леве это не скажи! Я помоложе тебя, убежать успел, а вот тебе такие нагрузки уже не под силу.

И далее последовал вольный пересказ того, что говорил Гуров, сопровождаемый взрыдами и придыханиями. Петр молча выслушал его и спросил:

– Ты что, действительно Машу проституткой назвал? Только не ври, прошу! Нам же теперь вместе эту кашу расхлебывать.

– Ну, не впрямую, а дал понять…

– Значит, назвал, – вздохнул Орлов. – Знаешь, Стас, мы с тобой зарвались. Мы Левку, конечно, любим и переживаем за него. Друг он нам верный, десятилетиями проверенный. Но если бы он при мне мою жену дурой назвал, я бы ему без малейших колебаний в морду заехал. И он бы меня понял, потому что есть черта, которую переступать нельзя. А мы с тобой эту черту уже давно далеко позади себя оставили и теперь в чужой семье, как у себя дома, хозяйничаем. Жаль, что Левка так поздно спохватился, надо было раньше нас на место поставить. А теперь нам предстоит спасать то, что еще можно спасти. Иди одевайся, к Маше поедем.

– Не-е-е, – помотал головой Крячко, – я в кабинет не вернусь. И к Маше не поеду. Она в меня тогда так бутылкой запустила, что, не пригнись я, черепно-мозговая обеспечена. А потом еще и с ножом на меня бросилась.

– Так заслужил, – развел руками Петр.

– Давай сначала по телефону выясним, где она, – предложил Стас. – Чего зря ездить?

Предложение было разумным, но нужного результата не дало: в театре сказали, что Строева написала заявление на отпуск за свой счет как раз с сегодняшнего дня, но принесла его не сама, а передала через адвоката Любимова. Домашний

телефон Марии не отвечал, сотовый тоже.

– Знаешь, Петр, давай так поступим, – предложил Крячко. – Раз Мария в отпуске, то в театре не появится. Номер сотового она могла сменить, а вот домашний как был, так и остался. Будем периодически звонить на него, а я завтра перед работой съезжу и поговорю с соседями и с участковым, чтобы он нам просемафорил, как только она дома появится. Тогда и поедем.

– Страшно? – насмешливо спросил его Орлов.

– Ты бы ее в тот момент видел, – выразительно ответил Стас.

– За все в жизни надо платить! Ты удовольствие справил? Повозил ее мордой по столу? Теперь ее очередь! – усмехнулся Петр. – Ну что, рискнешь в кабинет вернуться?

– Я сначала пойду пообедаю. Хоть умру сытым, – с самым страдальческим видом проговорил Крячко.

Стас, не торопясь, пообедал, потом пошатался по Главку, заглядывая то в один кабинет, то в другой, покурил с другими офицерами на лестничной площадке, но… Как ни крути, а в кабинет возвращаться все равно пришлось бы, хотя бы за курткой и борсеткой, в которой лежали ключи от машины, так что, собравшись с духом, он направился к себе, но… дверь кабинета оказалась запертой! Не без опаски отперев ее, Крячко заглянул внутрь – Гурова там не было, его куртки и борсетки тоже. Машина на стоянке отсутствовала. В связи с напрочь испортившимися между ними отношениями ждать трогательную записку с указанием, куда именно ушел Лев, не приходилось. Секретарша Орлова тоже была не в курсе. Домашний телефон не отвечал, а сотовый был отключен.

– И что прикажешь думать? – озадаченно спросил Петр у Крячко.

– Стреляться, не набив нам морды, он не будет, – поразмыслив, выдал Стас. – А вот нажраться – запросто. Такое уже было.

– Что ты предлагаешь?

– Пошли ему эсэмэску со своего телефона: «Лева, срочно позвони». Пусть не сразу, но он ответит – вдруг это по работе?

Так они и сделали, а потом сидели, пригорюнившись, и прикидывали, как будут выкручиваться из этого положения, но, так ни до чего не додумавшись, разъехались по домам.

Оба прожили со своими женами не один десяток лет, оба были ими изучены досконально, поэтому понять, что мужики во что-то вляпались, женщинам было нетрудно, а уж вытянуть из них, что именно они натворили, еще проще. Реакция была бурной – а еще говорят, что нет женской солидарности! Жена Орлова так шваркнула на стол кастрюлю с только что закипевшим борщом, что половина содержимого выплеснулась на живот генерала, который взвыл от боли, но сочувствия у его супруги это не вызвало. Глядя на то, как он мечется по кухне, стаскивая через голову мокрую и огненно-горячую футболку, а потом над раковиной охлаждает обожженную кожу холодной водой, она сочным и красочным языком объясняла ему, кто он такой и что она о нем думает, да еще и половником не раз «приласкала».

Жена Крячко была дамой более эмоциональной. Тем, что ее Стасик работает с мужем самой Марии Строевой, она страшно гордилась и постоянно рассказывала соседкам и приятельницам, что знаменитая артистка частенько приезжает с мужем к ним на дачу. Ухваты нынче не в ходу, поэтому она вооружилась скалкой и с криком: «Гада ползучая! Да как ты посмел такое ляпнуть!» – гоняла мужа по квартире, пока он не ухитрился запереться в ванной – дело привычное, один раз он там уже отсиживался, правда, тогда не по своей воле. Большого урона она мужу не нанесла, но несколько раз очень чувствительно заехала по спине и плечам.

Орлов и Крячко были торжественно отлучены от супружеского ложа и отправлены в ссылку на диван до тех пор, пока в семье Льва и Марии не воцарятся мир и покой, а о завтраках, обедах и ужинах им было велено забыть до тех пор, пока не поумнеют. В общем, возмездие их настигло!

А объяснение отсутствию Гурова было очень простое: минут через пять после панического бегства Крячко Льву позвонил глава администрации президента Олег Михайлович Александров и попросил срочно приехать. А когда такой

человек приглашает, отказываться не принято, тут и со смертного одра поднимешься и бегом побежишь.

Войдя в его кабинет, Лев невольно замедлил шаг от удивления – Александров курил, чего за ним раньше никогда не наблюдалось. Видя растерянность Гурова, Олег Михайлович криво усмехнулся и, произнеся фразу из старого анекдота:

– Тут закуришь, когда полковое знамя сперли! – показал на стул – присаживайтесь, мол.

– Что-то случилось? – понимая, что говорит глупость, все-таки спросил Лев.

– К сожалению. Но я смотрю, что и у вас самого вид далеко не цветущий. Проблемы со здоровьем? – Гуров помотал головой. – Это хорошо, потому что силы вам потребуются. Вы сегодняшнюю оперативную сводку читали?

– Нет. Да и зачем? Если бы было что-то горящее, то меня бы уже напрягли.

– Газеты? Интернет? Телевизор? – Лев снова покачал половой. – Значит, не знаете, – вздохнул Александров. – Вчера было совершено покушение на Игоря Петровича Болотина. Он сейчас в реанимации в Склифе. Состояние стабильно тяжелое, но врачи не теряют надежды. А вот его сын и внук, как и охранник с водителем, погибли.

– Я все понял, но заниматься этим делом не буду, – твердо заявил Гуров.

Александров откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на него, но Лев его взгляд выдержал.

– Полковник Гуров, вы забываетесь!

Олег Михайлович произнес это вроде бы спокойным тоном, но за ним чувствовался такой гнев, что Лев невольно поднялся со стула и встал по стойке «смирно». Так может негромко прорычать тигр, предупреждая, чтобы ты не наглел, а то он оторвет тебе голову.

– Полковник Гуров, вы – офицер, а ведете себя как взбалмошная бабенка, которая перебирает трусы и решает, что она будет носить, а что – нет, – тем же холодным, ровным тоном продолжил Александров и потребовал: – Извольте объясниться!

– Причины личного характера, – вынужден был сказать Лев.

– Подробности! Он вам что, в щи плюнул? Жену увел? В долг взял и не отдает?

По-прежнему стоя, потому что сесть ему никто не разрешал, взбешенный Гуров начал докладывать короткими, рублеными фразами:

– Три года назад Болотин попросил меня разобраться с делом его делового партнера Крайнова. Того обвиняли в «заказе» на убийство парня его дочери. Дело вел райотдел по месту совершения преступления. Убийство было совершено с особой жестокостью и цинизмом. Болотин заверил меня, что Крайнов ни в чем не виноват. Я согласился заняться этим делом. Болотин постоянно встречался с нашим тогдашним министром в Завидове и все организовал. Я выяснил, что Крайнов к убийству действительно не причастен. Но в ходе расследования мне стали известны факты о его очень тесной связи с криминальными кругами города Демидовска в Свердловской области. Как только Крайнов об этом узнал, меня отстранили от дела и передали его другому сотруднику. А организовал это Болотин. Он меня хорошо знал и понимал, что сам я такое дело на тормозах не спущу, вот и пошел обходным путем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leonov_nikolay/za-vse-nado-platit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить